

Здесь курят

Автор:

Кристофер Бакли

Здесь курят

Кристофер Бакли

Азбука-бестселлер

Кристофер Тейлор Бакли – американский писатель и журналист, хорошо знающий политическую кухню изнутри (спичрайтер Джорджа Буша-старшего в его бытность вице-президентом), автор одиннадцати книг, большинство из которых стали бестселлерами. Славу Бакли принес роман «Здесь курят», изданный в 1994 году и экранизированный в 2005 году. Герой романа Ник Нейлор, пиарщик табачного лобби, умело и цинично сражается с противниками курения; не обращая внимания на общественное негодование, он продвигает в массы идею о том, что курение практически безвредно. Кристофер Бакли в своих интервью говорил, что ему было интересно решать такую задачу – поставить в центр романа отрицательного персонажа и попытаться взглянуть на окружающий мир его глазами. Особую пикантность роману придает появление на его страницах всемирно известных людей, лишь в редких случаях прикрытых прозрачными псевдонимами. Творчество Бакли не раз было отмечено различными наградами, в 2002 году он получил медаль Вашингтона Ирвинга за литературное мастерство.

Кристофер Бакли

Здесь курят

Christopher Buckley

THANK YOU FOR SMOKING

Copyright © 1994 by Christopher Taylor Buckley

All rights reserved

© С. Б. Ильин, перевод (наследники), 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Нейлор апеллирует к демократическим ценностям так, словно ставит целью их дискредитировать: «Вы за свободу выбора? Так оставьте выбор курильщикам!»

Time Out

Убийственно смешная книга... вдохновенная абсурдность некоторых сцен заставляет просто кататься от смеха.

The New York Times

Весьма точная карикатура не столько на вашингтонских политиков, манипуляции общественным сознанием, корпоративные игры и т. П., сколько на общечеловеческие слабости, заблуждения и искусные приемы самообмана.

San Francisco Chronicle

Уморительно смешная книга!

The New York Times

Book Review

От автора

Кое-кто из реально существующих людей

появляется в книге под своим именем,

однако все это – выдумки.

Пролог

До того как Ник Нейлор стал главным общественным представителем Академии табачных исследований, его, случалось, обзывали по-всякому, однако с Сатаной так вот прямо никто покамест не сравнивал. Председательствующий – давний получатель обильных правительственных дотаций, вдохновлявших его на неустанную священную войну с индустрией, которая поставляла пятидесяти пяти миллионам страдающих хроническим кашлем американских курильщиков предметы любезного их сердцам, хоть и неотделимого от чувства вины удовольствия, – тыкал теперь указкой в картинку, спроецированную на пещерную стену бальной залы отеля, в которой проводилась эта конференция. Рогов или, там, хвоста Нику не пририсовали, пострижен он тоже был по-людски и вообще походил на человека, с которым разминешься в коридоре и не оглянешься, вот только кожа у него была такой красной, как будто он сию минуту искупался в воде, омывшей ядерный реактор, а глаза – сверкающими, бойкими глазками сводника. Подпись, выполненная гарнитурой, явно

позаимствованной с пачки сигарет, – у себя в конторе они называли ее «истерика полужирная», – гласила: «Предупреждаем: есть люди, способные сказать Что угодно, лишь бы продать Вам сигареты».

Аудитория, состоящая из двух тысяч пятисот «профессиональных здравоохранителей», как назвал их про себя Ник, пролиставший список участников, в котором ему удалось обнаружить и нескольких дипломированных докторов, завидев слайд, удовлетворенно заурчала. Это их урчание Ник знал, и знал хорошо. В воздухе явственно пахло котловником, и Ник представил, как «здравоохранители» точат когти о ножки своих стульев. «Я уверен, что следующий наш... э-э... оратор...» – Председательствующий запнулся, слово было слишком невыразительным для описания человека, который зарабатывает на жизнь, уничтожая по тысяче двести человек в день. Двенадцать сотен людей ежедневно – два автобуса, набитые мужчинами, женщинами и детьми. Да-да, он убивает и невинных детей тоже, отнимая у них светлое будущее, радостные мгновения победных голов, надежду на окончание школы, а там и университета, счастливый брак, отцовство, возможность реализовать свои способности в любимой профессии, добиться выдающихся успехов в технике, медицине, экономике, – и кто знает, сколько из них могли бы получить Нобелевскую премию? Агнцы, обреченные на заклятие Николасом Нейлором и прочими приспешниками табачной индустрии, которую он так велебичиво защищает. Более четырехсот тысяч в год! Геноцид, вот что это такое. Человеку чувствительному просто не по силам удержаться от слез при мысли о таком числе – да, именно жертв, жизни которых обращены в груды окурков, дотлевающих в колоссальной пепельнице корпоративной алчности, вот этим высоким, ухоженным, одетым в хороший костюм сорокалетним палачом, который, конечно же, «...не нуждается в представлении».

Бессмысленно пытаться умягчить эту свору обычным неискренним юмором, который в Вашингтоне сходит за искреннее самоуничижение. Пожалуй, неискренняя серьезность будет повернее.

– Хотите верьте, хотите нет, – начал Ник, теребя свой шелковый галстук, дабы показать, что нервничает, хоть он ничуть не нервничал, – но мне очень приятно участвовать в симпозиуме «Чистые легкие – две тысячи».

Двадцатый век, жалуюсь и покряхтывая, влачится к концу, и какую конференцию ни возьми, всякая называется «То да се – 2000», норовя внушить мысль, что она-де посвящена наиважнейшим вопросам, рассмотрение которых невесть почему

было отложено на целую тысячу лет, – а на самом деле пытаюсь привлечь внимание какого-нибудь из комитетов Конгресса по ассигнованиям, или «титьки», как называют их между собой падкие до привилегий корпорации, которые тем, собственно, и кормятся, что сосут средства из государства. «Интересно, – думал Ник, – конференции восьмисот девяностых были такими же? Проводился ли, скажем, в ту пору субсидируемый федеральным правительством симпозиум „Кучерской кнут – 1900“?»

Аудитория не откликнулась на вступительное излияние Никовых чувств. Но и не ошибала его. Он взглянул на ближайший стол, круглый стол, за которым сидели ненавистники особенно ярые. Самые ярые обычно усаживаются поближе и что-то лихорадочно строчат в блокнотах – купленных, между прочим, на деньги налогоплательщиков США, – блокнотах, которые они обнаружили в якобы замшевых кейсах, также оплаченных несчетными налогоплательщиками и украшенных красиво оттисненной эмблемой конференции «Чистые легкие – 2000». Они отвезут эти кейсы домой и подарят детишкам, сэкономив на приобретении новой футболки. «Мой предок сгонял в Вашингтон, и все, что он мне привез, – вот этот занюханный кейсик». Ненавистники, взвинченные предыдущими докладчиками до экстатического восторга ревнителей нового пуританизма, теперь понемногу впадали в мыслительный ступор и свирепо тарасились на Ника снизу вверх.

– Потому что, – продолжал Ник, которого бесполезность происходящего начинала уже утомлять, – я твердо верую в то, что нам нужна не столько конфронтация, сколько консолидация.

Целиком украдено из «Курса бессмысленной, но ритмичной элоквенции» Джесси Джексона[1 - Джесси Джексон (р. 1941) – политический деятель, один из лидеров движения американских негров за равные гражданские права. (Здесь и далее – прим. перев.)] – ну и ладно, зато работает безотказно.

– И я особенно благодарен организаторам «Чистых легких – две тысячи»... – произносится с тонкой иронией, дабы организаторы поняли, что ему известно, до чего отчаянно – совсем как морские пехотинцы на горе Сирубати[2 - Сирубати – гора на японском острове Иводзима, при взятии которого войсками США весной 1945 г. погибло более 5 тысяч морских пехотинцев.] – они сражались, стараясь не допустить его сюда, – за то, что они в конце концов согласились сделать эту конференцию конференцией в самом полном смысле слова. Я всегда твердо веровал, что, имея дело с вопросами такой сложности, как наши, следует

побольше говорить не друг о друге, а друг с другом.

Ник сделал паузу, позволяя слушателям оценить изящную подстановку – «вопросы» вместо «прав табачной индустрии истреблять по полмиллиона американцев в год».

Пока все идет хорошо. Никто не вскакивает, не орет: «Массовый убийца!» После того как тебя поставят в один ряд с Гитлером, Сталиным и Пол Потом, бывает порой трудно собраться с мыслями.

Впрочем, когда дело дошло до ответов на вопросы, это все же случилось. В центре зала воздвиглась женщина и сообщила, вызвав радостный гогот, что Ник «представляется ей приятным молодым человеком»; затем она сказала, что хочет «поделиться с ним своим недавним опытом». Ник внутренне подобрался. «Обмен опытом» с кем бы то ни было из этой своры не сулил ничего хорошего. Женщина живо описала подробности «отважной борьбы» дорогого ей, ныне усопшего человека с раком легких. Затем, скорее в грусти, чем в гневе, спросила Ника: «Как вы можете спать по ночам?»

Ник, не впервые попадавший в такое положение, сочувственно кивал, слушая рассказ о последних героических часах дядюшки Гарри.

– Я благодарен вам, мадам, за то, что вы поделились с нами вашим опытом, и, полагаю, выражу чувства всех присутствующих, сказав, что все мы сожалеем о вашей трагической утрате, однако мне кажется, что вопрос, который стоит перед нами сегодня, сводится к тому, желаем ли мы, американцы, жить, сохраняя верность таким документам, как Декларация независимости, Конституция и Билль о правах. Если мы отвечаем «да», тогда, я думаю, путь, лежащий перед нами, ясен. И я уверен, что, если бы ваш дядюшка, бывший, несомненно, прекрасным человеком, оказался сегодня здесь, он наверняка согласился бы с тем, что, принявшись переиначивать главные принципы, заложенные нашими отцами-основателями, многие из которых и сами были, как вы помните, табачными фермерами, – переиначивать, опираясь всего лишь на разного рода откровенно ненаучные домыслы, мы поставим под угрозу не только нашу свободу, но и свободу наших детей и внуков.

Тут важно было не останавливаться, дабы не помешать этому сногшибательному по алогичности выводу окрасить собою процессы,

протекающие у слушателей в мозгу.

– В антитабачной истерии нет ничего особенно нового. Вы, разумеется, помните турецкого султана Мурада Четвертого, – разумеется, никто из них ни о каком Мураде Четвертого и слыхом не слыхивал, однако толика интеллектуальной лести всегда воспринимается с удовольствием. – Мурад, как вы помните, вбил себе в голову, что курение недопустимо, и поставил курильщиков вне закона, и сам, переодеваясь простым турком, выходил по ночам в Стамбул и бродил по улицам, изображая никотиновое голодание и умоляя продать ему немного табаку. А когда кто-то проникался к нему жалостью и давал покурить, Мурад – шарах! – сносил ему голову прямо на месте. И оставлял тело разлагаться на улице. «Предупреждаем: продажа табака Мураду Четвертому может быть опасной для Вашего здоровья». – Ник решил, что пора закругляться. – Мне хочется думать, что мы как нация далеко ушли от дней массовых казней за преступление, состоящее в стремлении следовать нашим собственным понятиям о счастье.

После столь удачного уподобления действий современных противников курения погромным подвигам кровожадного турка семнадцатого столетия Ник мог позволить себе удалиться, испытывая удовлетворение оттого, что ему удалось отбить у этой орды несколько дюймов территории. Не бог весть какой плацдарм, но в этой войне и его захват сходил за большую победу.

1

Когда Ник вернулся к себе в контору, на лотке с биркой «Пока вас не было» его ожидала пухлая стопка розовых листков. Академия размещалась в одном из любопытнейших зданий К-стрит – десятиэтажном, с атриумом посередине, в который выходили увитые плющом балконы. Общее впечатление оставалось словно бы от вывернутых наизнанку Висячих садов Вавилона. На первом этаже огромный неоклассический фонтан извергал и сразу же умирал плещущий поток белого шума. Академия табачных исследований обосновалась в трех верхних этажах. Нику, занимавшему в АТИ – или Академии, как по требованию БР обязаны были называть ее сотрудники, – пост старшего вице-президента по связям с общественностью, полагался по чину внешний угловой офис, но он предпочел внутренний, и тоже угловой, потому что любил звук текущей воды. К

тому же здесь он мог оставлять дверь открытой, чтобы сквозняк выносил в портик табачный дым. Даже курильщикам следует заботиться о хорошей вентиляции.

Он пролистал пачку розоватых узких листков, дожидавшихся его на стойке приемной. «Си-би-эс ждет нашей реакции на призыв ГВ[З - ГВ - главный врач государственной службы здравоохранения. Именно его предупреждение о вреде курения печатается на каждой упаковке табачных изделий.] запретить размещение рекламы табака вдоль шоссе дорог». Эй-би-си, Эн-би-си, Си-эн-эн и т. д. и т. п. – все они ждут того же, за исключением «Ю-Эс-Эй тудей», которому требуется наша реакция на завтрашнюю статью в «Медицинском журнале Новой Англии», содержащую заключение медицинской науки насчет того, что курение, помимо прочего, ведет к некоей «болезни Бюргера» – расстройству системы кровообращения, чреватому ампутацией всех конечностей до единой. «Хоть бы раз, – подумал Ник, – вернуться в офис и обнаружить что-нибудь отличное от обвинений в новых жутких болезнях».

– Вам мать звонила, – протягивая ему последний листок, сказала Морин, секретарша, ведающая приемом посетителей и ответами на звонки. – Доброе утро, – тут же прошептала она в телефон, после чего выдохнула клуб дыма и закашлялась. То был не грациозный, прочищающий горло кашелек, а взревы легочного бульдозера. – Академия – аггрр! – табачных – кхаа! – исследований.

Ник давно уже задавался вопросом: такой ли уж плюс для них телефонистка, не способная выговорить «алло» без бронхиальных судорог?

Морин ему нравилась. Может быть, сказать ей, чтобы не кашляла в присутствии БР? За последние шесть месяцев у нас и так слетело немало голов. Теперь тут правил Мурад IV.

Войдя в кабинет, Ник стянул с себя новую спортивную куртку от Пола Стюарта и повесил ее на дверь. Одна из хороших сторон смены руководства Академией состояла во введении новых правил по части одежды. Появившись в Академии, БР первым делом созвал всех сотрудников отдела по связям с общественностью, которым приходилось появляться перед телекамерами, и объявил, что не желает, чтобы они выглядели как орава задрипанных бомжей с К-стрит. «Часть нашей проблемы, – сказал он, – состоит в том, что табак утратил сексуальную привлекательность». Он хочет, сказал БР, чтобы его сотрудники выглядели как люди с рекламной картинки, а не как жмотье, прибарахлившееся на распродаже

универмага «Джей-Си Пенни»[4 - «Джей-Си Пенни» – компания, владеющая сетью универсальных магазинов.] в День рождения Вашингтона[5 - Официальный праздничный день – третий понедельник февраля.]. После чего он выдал каждому по пять тысяч долларов на покупку одежды, и каждый, уходя с того совещания, думал: «Вот это босс!» Половина из них, вернувшись к своим столам, обнаружила уведомление об увольнении.

Ник взглянул на собственный стол и нахмурился. Черт знает что! Он не педант, он готов мириться с определенным беспорядком, но ему вовсе не хочется становиться мусорным ящиком, которым пользуется кто ни попадя. Он уже объяснил это Дженнет, и та с обычной ее серьезностью заверила Ника, что все поняла, – но тем не менее продолжает использовать его письменный стол как компостную яму. Сложность состояла в том, что хотя Дженнет, как сотрудница отдела по связям с общественностью, формально подчинялась Нику, однако, с другой стороны, БР притащил ее с собой из Ассоциации автоматической торговли, причем и он и она явно души друг в друге не чаяли. Странно, но вела себя Дженнет так, будто Ник и есть ее настоящий босс – высшая, низшая и какая угодно инстанция.

Она свалила на его стол пять пачек отчетов АООС[6 - АООС – Агентство по охране окружающей среды.] о пассивном курении, все с пометками «срочно». Ник коллекционировал ножи. Так Дженнет уложила поверх одной из пачек принадлежащий ему кинжал в кожаных ножнах, с каким племя масаи охотится на кабанов. Не издевка ли это, закамуфлированная под аккуратность?

Позвонила его секретарша Гэзел: БР просил передать, что желает увидеть Ника, как только тот вернется с «Чистых легких». Ник решил, что сразу к БР не пойдет. Сделает несколько звонков, а уж после отправится отчитываться перед начальством. Вот так. И Ник ощутил облегчение, просто-таки раздулся от ощущения собственной независимости.

Через несколько минут Гэзел, словно прочитав его мысли, позвонила опять:

– Ник, БР сказал – как только ты вернешься.

Гэзел, хорошенькая черная мать-одиночка, только-только разменявшая четвертый десяток, вертела Ником как хотела, поскольку Ник, выросший в доме, которым заправляла черная служанка старой выучки, смиренно выслушивал

любой сделанный негритянкой выговор.

– Да, Гэзел, – кисло ответил он, даже этим изрядно перенапрягши свою способность к сопротивлению. Он понимал, что происходит в ее умной головке: Гэзел знала, что Дженнет нацелилась на его место и что ее, Гэзел, работа зависит от того, сохранит ли Ник свою.

И все же он не позволит секретарше помыкать им. Утро выдалось тяжелое, ему необходимо отдышаться. С обрамленной серебром фотографии на него смотрел двенадцатилетний Джой. Долгое время Джой смотрел на кушетку, стоявшую напротив стола, но в один прекрасный день репортерша из журнала «Здоровье Америки», – интервью с ней вовсе не обещало благосклонной рекламы, однако приходится давать и такие, иначе эти ублюдки просто объявят, будто табачное лобби не желает с ними разговаривать, – так вот, эта баба заметила фотографию и самым любезным тоном спросила: «Ой, это ваш сын?» Ник просиял, как и положено гордому своим отпрыском папочке, и подтвердил ее догадку, после чего она ему вмазала: «И как он относится к вашей пропаганде курения среди несовершеннолетних?» С того дня портрет Джоя от кушетки отвернулся.

Ник потратил немало времени, обдумывая психологическую тональность убранства своего кабинета. Над его письменным столом висел большой плакат, гласивший: «Курение есть основная причина существования нашей статистики». Фразу эту он услышал от одного из адвокатов юридической компании «Смут и Хокинг» из Омахи, которая вела большую часть дел по искам, предъявляемым табачным компаниям людьми, которые всю жизнь прикуривали одну сигарету от другой, а обнаружив, что умирают от рака легких, решали, что им причитается компенсация.

Над кушеткой красовались оригиналы двух рекламных объявлений из журналов сороковых и пятидесятих годов. Первое изображало старомодного доктора из тех, что, получив вызов, выезжали к пациентам домой и даже пробивались сквозь пургу, дабы принять роды. Улыбающийся доктор протягивал пачку «Лаки» с таким выражением, словно это не сигареты, а спасительная упаковка эритромицина. «20679* врачей утверждают: от „Лаки“ не так першит в горле» – сообщала подпись. Звездочка указывала, что врачей этих действительно пересчитала самая настоящая, специализирующаяся на сборе статистики фирма. Насколько легче было работать, когда медицина стояла на твоей стороне!

Второй плакат показывал, как «Кэмел» помогает человеку переваривать, блюдо за блюдом, обед, съедаемый в День благодарения. «Начните с настоящей еды – с хорошо проперченного томатного супа-пюре. И сразу после супа выкурите – для улучшения пищеварения – сигарету „Кэмел“». Еще одну надлежало употребить перед второй порцией индейки. Почему? Потому что «Кэмел» снимает напряжение. «Подстегните ваш желудочный сок. Увеличьте щелочность организма». Потом еще одну перед салатом «Уолдорф». И еще одну после. «Эта двойная пауза очистит ваше небо и подготовит почву для десерта». А там и еще одну, под пирог с черносливом, – «чтобы окончательно создать у вас ощущение уюта и приятное настроение». Итого, стало быть, пять, и это только за обедом. А уж как подадут кофе, так вытаскивайте из кармана всю пачку и устройте себе настоящий загул. «Для улучшения пищеварения».

БР во время единственного предпринятого им до сей поры обхода трущоб, сиречь кабинетов сотрудников, долго глазел на этот плакат, как бы пытаясь понять, достойно ли украшение подобного рода того, чтобы висеть в кабинете старшего вице-президента по связям с общественностью. Его предшественник, Джи-Джи Холлистер, нанявший Ника после малоприятного разговора, – вот кто был табачником старой школы, человеком, способным под одну только благодарственную индейку выкурить десяток «Кэмел», человеком, родившимся с табачной смолкой в крови. Отличный был мужик, добрый, заботливый, любивший после работы посидеть в конторе с «хайболом» в руке, рассказывая байки о прежних временах, о сражениях с Лютером Терри, который еще в 1964-м, будучи Главным врачом, представил правительству совершенно катастрофический доклад. Ник особенно любил ту историю Джи-Джи, в которой...

– Ник, он сказал – немедленно...

В конце концов, это невыносимо. Он этого не потерпит.

– Я знаю, Гэзел.

«Да пошли они все, – думал он, перебирая, точно никчемную покерную масть, розовые листки, – подождут, и Гэзел и БР». У него работы по горло.

Он позвонил в несколько телевизионных компаний и, как обычно, сообщил о своей готовности «где и когда угодно» подебатировать с Главным врачом на

тему рекламных щитов, – собственно говоря, и на любую другую. Главный врач, со своей стороны, отклоняла все приглашения Ника на том основании, что она не желает позорить свое ведомство, появляясь перед публикой в обществе представителя «индустрии смерти». Тем не менее Ник посылал вызов за вызовом. Все лучше, чем объяснять, что табачные компании имеют конституционное право лезть со своей рекламой к детишкам из гетто.

Так, теперь болезнь Бюргера. От нее легко не отделаешься. Ник поразмыслил несколько минут и позвонил Биллу Олбрайту из «Ю-Эс-Эй тудей». Ему вовсе не хотелось вдаваться в обсуждение деталей заболевания и еще менее того – видеть свое имя пристегнутым к цитате, содержащей слово «ампутация».

– Ну-с, – начал он скорее в грусти, чем в гневе, – почему бы и впрямь не повесить на нас болезнь Бюргера? На нас теперь каких только собак не вешают. С неделю назад я прочитал, что сигареты расширяют озонную дыру, так давайте в нее и Бюргера. Кто там у нас на очереди? Дельфины? Судя по тому, как развиваются события, мы уже на следующей неделе узнаем, что дельфины, являющиеся, как принято считать, замечательнейшими среди мелких морских млекопитающих, мрут, давясь сигаретными фильтрами, которые люди швыряют в океан с круизных судов.

На самом деле ничего подобного Ник насчет озонной дыры не читал, но, поскольку Билл был другом, Ник полагал, что может наврать ему, не покривив душой. С другого конца линии донеслось мягкое пощелкивание клавиатуры. Билл записывал сказанное. Каждый из них играл отведенную ему роль.

– Ник, – сказал Билл, – насчет этого отчета в «Медицинском журнале Новой Англии»...

– К коему я питаю величайшее уважение. Но могу ли я задать один-единственный вопрос?

– Ну?

– Где данные?

– Что значит «где данные»? В «Медицинском журнале Новой Англии». Ради бога, там одни только цифры и есть.

– Исследования проводились двойным слепым методом?

– Конечно.

Фатальное колебание. В атаку!

– И сколь же велика была контрольная группа?

– Брось, Ник.

– Так это было исследование с заранее предсказанным результатом?

– Ты хочешь, чтобы тебя упомянули в статье, или не хочешь?

– Разумеется.

– Хочешь, чтобы я использовал твоё «иде данные»?

– «Где данные», а не «иде данные». Ради бога, можешь изображать меня бессердечным прохвостом, пресмыкающимся перед табачными корпорациями, но не делай из меня безграмотного, бессердечного прохвоста, пресмыкающегося перед табачными корпорациями.

– То есть твой комментарий сводится к тому, что «Медицинский журнал Новой Англии» сам не понимает, что говорит?

– Мой комментарий таков... – Ну и каков же? В поисках вдохновения Ник обратил взгляд к доктору с пачкой «Лаки». – Болезнь Бюргера была диагностирована совсем недавно. Это сложная, а на самом деле чрезвычайно сложная патология. Одна из сложнейших в области нарушений кровообращения. – Во всяком случае, он надеялся, что это так. – При всем моем уважении к науке, я полагаю, что необходимы дальнейшие исследования, прежде чем она, наука, схватив намыленную веревку, займется линчеванием традиционных подозреваемых.

Клавиатура Билла щелкала безостановочно.

– А могу я тебя кое о чем спросить?

Что-то Билл нынче разошелся. Обычно он записывает то, что ему говорят, вставляет записанное в статью и берется за следующую.

– О чем? – подозрительно осведомился Ник.

– Ты действительно веришь в то, чем занимаешься? Потому что впечатление складывается именно такое.

– То, чем я занимаюсь, помогает мне оплачивать закладную, – сказал Ник, уже столько раз прибегавший к этому рационалистическому объяснению, что от него начало пахнуть оправдательными речами Нюрнбергского процесса: «Я фсего лишь хотел отплатить дзакладную...»

– Ник, он только что звонил. Он хочет видеть тебя. Немедленно.

Как ни подмывало его сделать еще один звонок, следовало все-таки помнить о закладной, а кроме того, где-то под наваленными Дженнет бумагами лежал счет от колледжа Св. Эвтания за обучение Джоя в следующем семестре – одиннадцать тысяч семьсот сорок два доллара в год. Как они выводят подобные суммы? На что, к примеру, идут эти сорок два доллара? И чему вообще можно учить двенадцатилетнего мальчишку на одиннадцать тысяч семьсот сорок два доллара? Субатомной физике?

Ник, задумавшись, шел коридором к кабинету БР. Коридор украшали афиши оперных спектаклей, симфонических концертов и музейных выставок, которые спонсировала Академия. Во времена Джи-Джи здесь висели великолепные цветные плакаты с изображениями высушенных табачных растений – солнце сияло, пронизывая яркие листья.

Сондра, секретарша БР, окинула Ника неулыбчивым взглядом и кивком показала – входи. Эта тоже следит за здоровьем. На ее столе пепельницы не увидишь.

Просторный, обшитый деревом – грецким орехом, – мужественного обличия кабинет всегда напоминал Нику внутренность сигарной коробки с увлажнителем. Пока, во всяком случае, БР не содрал со стен оставшуюся от Джи-

Джи прелестную деревянную обшивку, не заменил ее протравленной сталью.

Бадд Рорабачер приветственно поднял брови. Он сидел, откинувшись в просторном кресле, и читал «Еженедельный отчет по заболеваемости и смертности» – обычное в Академии чтиво. БР было сорок девять лет, но энергию он излучал юношескую. Только глаза его, светло-зеленые, пристальные, безрадостные, вззирающие на жизнь, как на бухгалтерскую электронную таблицу, могли бы, пожалуй, показаться принадлежащими человеку постарше, человеку, который в юные лета испытал крушение иллюзий и оттого норовит испортить жизнь всем, кто его окружает. Поговаривали, будто он каждое утро, уже в пять часов, играет в сквош – привычка у начальника необнадеживающая, ибо благодаря ей БР появлялся в офисе в половине седьмого бодрый, заряженный энергией, которой хватало и на целый день работы, и на то, чтобы сожрать с потрохами любого подчиненного, преданного ему меньше чем на тысячу процентов. Ник подозревал, что БР, желая подчеркнуть все выпуклости своего торса, носит рубашки на размер меньше, чем следовало бы; впрочем, верным было и то, что дважды в неделю БР ограничивался вместо ленча витаминным коктейлем, сочетая его с поднятием тяжестей в клубе здоровья. Росту в нем было под два метра, что он ненавязчиво подчеркивал, открывая, к примеру, дверь перед вами и кивком приглашая пройти под аркой придерживающей ее руки. Как-то под конец рабочего дня он проделал этот фокус с Ником, и тот с удовлетворением ощутил исходящий от БР запах пота. Всегда ведь утешаешься, обнаружив унизительное телесное несовершенство человека, который властен над твоей судьбой. Карьеру в табачном деле БР начал, работая в грязноватой, отмеченной далеко не всегда остающейся в рамках законности подковерной борьбой в сфере продажи сигарет через торговые автоматы. Известно было, что такое начало наградило его подобием комплекса неполноценности, так что подчиненные старались не упоминать при БР о торговых автоматах без особой на то нужды. Возглавив Академию, БР изрядно размял свои административные мышцы и обеспечил индустрии ощутимый прирост доходов. Он тесно сотрудничал с торговыми представительствами США и добился того, что страны Азии разрешили показывать по телевидению рекламу сигарет в часы утренних детских программ. (В одной только Японии потребление американских сигарет подростками выросло на двадцать процентов.) В самих США он успешно отразил две попытки конгрессменов ввести запрет печатной рекламы, склонил законодателей трех южных штатов учредить у себя «Неделю любви к табаку» и провел в городском совете Лос-Анджелеса блистательную интригу, вследствие которой в составленные этим советом правила для курильщиков вошла оговорка, разрешающая курение в ресторанных барах, – успех, с которым его от

души поздравил председатель совета директоров Академии, легендарный Доук Бойкин. БР обладал качеством, которое Наполеон столь ценил в своих генералах, – удачливостью. После того как он вошел в совет директоров, трое из заболевших раком легких и судившихся по этому поводу с табачной индустрией людей скончались вследствие курения в постели, а их наследники отозвали иски, «застеснявшись», – так объяснил это явление один из адвокатов фирмы «Смут и Хокинг».

– Привет, Ник, – сказал БР, и Ник подавил желание ответить: «Привет». – Ну, как там легкие?

– Чистые, – ответил Ник.

– По телевизору тебя покажут?

Ник ответил, что подсказывал к каждой камере, какую смог углядеть, и расписывал, как наша индустрия заботится об ответственной рекламе, здоровье населения и малолетних курильщиках, однако он сомневается, что физиономия его удостоится особого внимания в выпусках новостей, если удостоится вообще. Профессиональные говоруны из табачных компаний пользуются у электронных средств массовой информации все меньшим спросом, обратившись как бы в руку, пишушую на стене все более зловещие предречения. Еще совсем недавно телевизионщики регулярно присылали в Академию съемочные группы, чтобы отснять ядовитый пяти-, десятисекундный репортаж, в котором официальные представители индустрии привычно подвергали сомнению достоверность очередного медицинского исследования, доказывающего, будто сигаретные компании каждый год наносят ущерб не меньший, чем четыре бомбы вроде той, что сбросили на Хиросиму. Однако в последнее время эти рутинные материалы, обычно мелькавшие, противопоставляя две точки зрения, в середине программы новостей, стали появляться все реже и реже. Теперь комментатор, как правило, заканчивал сообщение о новом отчете фразой: «Стоит ли говорить, что табачная индустрия оспаривает отчет НИЗ[7 - НИЗ - Национальный институт здравоохранения США.], заявляя, будто нет никаких – я цитирую – «научных доказательств того, что беременная женщина, если она безостановочно курит, наносит тем самым вред вынашиваемому ею плоду».

– Капустную Голову ты с собой брал? – спросил БР, вновь принимаясь шарить глазами по «Еженедельному отчету», – привычка не самая приятная, а если говорить честно, хамская, способная довести человека до белого каления,

однако в смысле административном весьма эффективная: БР обзавелся ею в бизнес-школе Станфорда. Очень хорошо помогает держать подчиненного в узде. Под «Капустной Головой» он разумел гр. – в смысле графа – Эрхарда фон Группен-Мюндта, «научного эксперта» Академии. Эрхард получил некогда ученую степень по судебной патологии в университете Штайнгартена, не входящем, возможно, в число ведущих научных центров Германии, но звучащем достаточно импозантно. Джи-Джи притащил его в Академию в семидесятые годы и построил для него в Рестоне, штат Виргиния, «исследовательскую лабораторию», официально именуемую Институтом здорового образа жизни. Основной научный потенциал этого заведения образовали тысячи перекормленных белых крыс, которые, сколько их ни мажь никотиновыми смолами, нипочем не желали обзаводиться опухолью Ф344. Средства массовой информации уже много лет не воспринимали Эрхарда всерьез. Главное его занятие состояло в даче свидетельских показаний на бесконечных судебных разбирательствах по предъявляемым табачным компаниям искам о причинении ущерба здоровью – там он старался заморочить судьям головы своей эрудицией, киссинджеровским акцентом и наукообразными заклинаниями насчет погрешностей выборки и многомерной регрессии. На процесс Люминотти его решено было выпустить прямо в белом лабораторном халате, и это произвело на судью сильное, хоть и неблагоприятное впечатление.

– Да, – ответил Ник, – он дал интервью Эн-эйч-кей, японскому телевидению. Очень хорошо говорил о пассивном курении. Разгромил в пух и прах. Уверен, его покажут в Токио.

– Боюсь, в Пеории нам от этого будет ни тепло ни холодно.

– Ну... – Стало быть, Эрхард следующий. Двадцать лет беспорочного служения науке и – auf Wiedersehen[8 - До свидания (нем.)], Фриц, ты уже наше прошлое.

– Я думаю, нам следует обзавестись ученым-негром, – сказал БР. – Уж негра-то они показывать будут, никуда не денутся, так ведь?

– Это чревато не самыми приятными последствиями.

– Мне эта идея нравится.

А, ну тогда конечно...

– Садись, Ник. – Ник сел, тоскуя по сигарете, однако куда там – в этом кабинете, принадлежащем человеку, который отвечает за все табачное лобби, не было ни единой пепельницы. – Нужно поговорить.

– Давай, – сказал Ник. Джоя всегда можно будет перевести в бесплатную школу.

БР вздохнул:

– Буду краток. Этот тип, – он ткнул большим пальцем в сторону Белого дома, – намеревается повысить акцизный сбор с пачки сигарет до четырех долларов, его жена призывает задаром раздавать всем желающим никотиновые пластыри. ГВ пробивает полный запрет рекламы. Боб Смут сказал мне, что мы проиграем дело Хеффернана, влетим на кругленькую сумму, а это повлечет сотни и, может быть, тысячи новых исков в год. АООС присвоило нам канцерогенный класс А. Пит Ларю говорит, что у НИЗ имеется в запасе ужастик, который они вот-вот обнародуют, – что-то насчет связи курения со слепотой, Иисусе Христе, а Лу Уиллис сообщил мне, что на следующий год комитет по ассигнованиям срежет нам средства, выделяемые на страхование урожая. Хороших новостей на нашем горизонте ровный ноль.

– Дело табак, верно? – сочувственно откликнулся Ник.

– Я не меньше прочих люблю разрешать сложные проблемы. Больше прочих, если тебе нужна полная правда.

Да, БР, полная правда мне нужна.

– Что, собственно, и сказал мне Капитан, когда уговаривал занять этот пост. – БР встал, возможно желая напомнить Нику, что он выше его ростом, и подошел к окну, глядящему на К-стрит. – Ты знаешь, он дал мне карт-бланш. И сказал: «Поступай, как считаешь нужным, используй любые средства, лишь бы дело пошло на поправку».

Что-то он нынче ходит вокруг да около.

– Сколько мы тебе платим, Ник?

– Сто пятьдесят, – ответил Ник. И добавил: – Грязными.

– Угу, – сказал БР. – Ну так скажи мне, стоишь ты этих денег?

Перед мысленным взором Ника мелькнула приятная картина: он обходит письменный стол БР, сжимая в руке солдатский кинжал времен Первой мировой. К сожалению, картина эта быстро поблекла, сменившись другой: Ник пытается получить под свой дом вторую закладную.

– Не знаю, БР. Это уж ты мне скажи. Стою я этих денег?

– Давай говорить как профессионалы. Я не хочу разводить дискуссий. Я тебя спрашиваю прямо, по-мужски: что мы имеем? У меня такое впечатление, что от твоей лавочки исходит душок... пораженчества. Все, что я вижу, – это белые флаги.

Ник постарался остудить быстро закипавшую в жилах кровь.

– Белые флаги?

– Ну да, вроде этого дурацкого предложения, которое ты разослал в прошлом месяце, – чтобы мы признали существование некоторых связанных со здоровьем проблем. Чем ты вообще думал, Иисусе Христе?

– Собственно, – сказал Ник, – я и сейчас считаю, что это было разумное и смелое предложение. Давай глядеть фактам в лицо, БР: на наши уверения, будто курение никому не вредит, никто и не купится. Так почему бы нам не сказать: «Хорошо, иногда курение бывает опасным. Так же как и вождение автомобиля. Или выпивка, или перелеты, или переход улицы, или употребление молочных продуктов. Однако это вполне законное, приятное занятие, которое, если им не слишком злоупотреблять, оказывается, вероятно, не более опасным, чем... я не знаю... чем сама жизнь». По-моему, услышав это, многие подумают: «А что, в конце концов, они не такие уж и вруны».

– Самая идиотская идея, какую я когда-либо слышал, – резко сказал БР. – Идиотская и дорогостоящая. Я приказал сжечь все экземпляры твоего меморандума. Ты хоть понимаешь, что случится, если его продемонстрируют на

одном из этих чертовых судов? Внутренний документ, в котором признается, что нам известно, насколько опасно курение! Это все равно что подать им Иисуса Христа на блюде с голубой каемочкой – представляешь, каким кошмаром это может для нас обернуться?

– Хорошо, – Ник пожал плечами, – давай и дальше делать вид, будто курение никому повредить не способно. Тем более что до сих пор это так здорово работало...

– Вот об этом я и говорю, – сказал, покачивая головой, БР, – чистое поражение.

Ник вздохнул:

– БР, мы попусту тратим время. Моя преданность делу ставится под сомнение впервые за шесть лет.

– Может быть, ты просто выдохся? Это случается.

Вошла, без стука, Дженнет.

– Ой, – сказала она, – простите, что помешала. Я принесла «Исследование синдрома тошноты» Нексиса, которое ты хотел посмотреть.

Что ж, она привлекательна, хоть и малость пресновата, на вкус Ника: деловой костюм, цокающие каблучки, собранные сзади в узел льдисто-светлые волосы, выщипанные брови, высокие скулы, шустрые черные глазки и ямочки на щеках, почему-то внушающие ощущение опасности, хотя, вообще говоря, не должны бы. Наверное, по уик-эндам катается верхом в Виргинии. Самое что ни на есть подходящее для нее занятие. Вложи ей в руку хлыст, получится вылитая повелительница яппи.

– Спасибо, – сказал БР.

Дженнет вышла, с силой захлопнув за собой дверь.

– Раз уж мы говорим «по-мужски», – сказал Ник, продолжая разговор с того места, на котором он прервался, – скажи прямо: чего ты хочешь?

– Скажу, – ответил БР, пристукнув по столу карандашом. – Мне кажется, что за сто пятьдесят в год мы могли бы иметь результаты получше.

– Не думаю, что мне удастся убедить нашего Главного врача, будто курение не приносит здоровью ничего, кроме пользы. Честно говоря, БР, я считаю, что этот поезд уже ушел.

– Вот это и есть твоя главная беда! Не думай о том, что тебе не удастся. Только о том, что удастся. Ты тратишь время, пытаешься погасить пожар в мусорной корзинке, между тем как твое дело – поджигать леса.

– Леса?

– Ты действуешь, исходя из уже случившегося. А должен бы опережать события. Не сиди за столом и не жди, что тебе будут звонить каждый раз, как кто-нибудь выкашляет свои легкие. Ты у нас отвечаешь за связи с общественностью. Так налаживай их. Представь мне перспективный план. Какой у нас нынче день?

– Пятница, – мрачно сообщил Ник.

– Отлично, значит, в понедельник. Принеси мне в понедельник хоть что-нибудь стоящее. – БР заглянул в ежедневник и вдруг ухмыльнулся. Этого Ник еще ни разу не видел. – Смотри-ка, как раз в шесть тридцать я совершенно свободен.

2

Здесь Ник мог оставаться самим собой. Здесь он был среди своих.

Наличный состав «Отряда ТС» собирался у Берта каждую среду или пятницу – или вторник, или когда придется. При их работе происшествия разного рода, по преимуществу катастрофические, случались, как правило, в последнюю минуту, так что планировать что-либо заранее было сложно. Но если без общего ленча или ужина проходило больше недели, они начинали нервничать. Они нуждались друг в друге не меньше, чем люди из групп психологической поддержки:

иллюзий они никаких не питали, зато могли положиться один на другого.

Название «Отряд ТС» не содержало отсылки к популярному в 1960-х телесериалу о трех хиппи, а на самом деле тайных полицейских агентах, вкушавших все прелести расовой и сексуальной десегрегации. «ТС» означало попросту «торговцы смертью». Поскольку в «Отряде» состояли люди, представляющие общественное лицо компаний, торгующих табаком, спиртным и оружием, название это казалось им более чем уместным. Ник сказал когда-то, что пресса, если ей удастся пронюхать о существовании их маленького кружка, наверняка именно так его и окрестит, а стало быть, ничто не мешает им самим принять это название.

«Им» означало – Нику, Бобби Джею и Полли. Эту троицу объединяла не только работа в организациях, пользующихся всеобщим презрением, но и возраст – под сорок, немного за сорок, – возраст, в котором радость, вызванная тем, что ты занимаешь высокий пост, несколько увядает и на передний план выходит забота о том, как бы этот пост сохранить.

Бобби Джей Блисс подвизался в Обществе по распространению огнестрельного оружия и боевой подготовке молодежи, называвшемся прежде Национальным комитетом за право ношения оружия.

Этот весящий под сто килограммов тихоголосый курчавый человек родился в городке Лубер, штат Миссисипи (население 235 человек). Отец его был там мэром, шерифом и главным источником средств, поступавших в городскую казну, каковые средства он добывал, арестовывая каждого третьего проезжавшего через Лубер водителя независимо от того, как быстро тот ехал. Он всегда держал под рукой коллекцию знаков ограничения скорости, выбирая нужный прямо на месте преступления. Бобби Джей уже с восьми лет помогал отцу: мальчик прятался в кустах, заменяя знаки в зависимости от скорости, развитой очередной жертвой, а отец вытаскивал нарушителя из машины и отчитывал за неосторожную езду в деловой части города, хотя никакой деловой части в Лубере, штат Миссисипи, отродясь не значилось. Все это внушило Бобби пожизненное уважение к представителям правоохранительных органов, а заодно и к ручному оружию.

Вскоре после стрельбы в Кентском университете Бобби Джей, тогда уже семнадцатилетний, автостопом отправился в Меридиан, намереваясь записаться в Национальную гвардию и тоже получить таким образом возможность

поупражняться в стрельбе по студентам, однако у вербовщика Национальной гвардии случился обеденный перерыв, зато на месте – в соседнем кабинете – оказался вербовщик армейский. Человек этот, обладавший безошибочным чутьем на достойных молодых людей, тут же вызвался оплатить университетское образование Бобби. В итоге Бобби кончил стрельбой по вьетнамцам, которые были ничем не хуже студентов, – всей-то и разницы, что вьетнамцы отстреливались. Тем не менее Бобби с удовольствием дважды прокатился в Юго-Восточную Азию; он съездил бы туда и в третий раз, если бы во время поспешной эвакуации десанта из слишком уж жаркого места хвостовой винт вертолета не оттяпал ему по самый локоть левую руку. Бобби стал одним из немногих солдат вьетнамской поры, удостоившихся по возвращении домой приветственного парада. Особенно многочисленным назвать этот парад было нельзя, хоть в нем и участвовало все население Лубера, но, поскольку в те беспокойные времена такие парады случались редко, этот попал в газеты, а там и привлек внимание Стоктона Драма, легендарного главы Общества по распространению. Возглавив дышащее на ладан объединение владельцев огнестрельного оружия, Драм ухитрился превратить его в подобие крупнейшей в мире регулярной армии, насчитывающей тридцать миллионов крепких и чрезвычайно горластых, что подтвердит вам любой сенатор и конгрессмен, мужиков. Бобби Джей с его картинными ухватками южанина и железным крюком вместо левой руки идеально подходил для роли пылкого защитника права ношения оружия, что и позволило ему, сделав блестящую карьеру, занять в конце концов пост главного публичного выразителя интересов Общества. В ходе этой карьеры он отвратился от стези порока, став новообращенным христианином, – дело далеко не простое, если учесть, сколько телепроповедников загремело в тюрьму за поступки решительно не благочестивые. На работу Бобби Джей приезжал в компании таких же новообращенных, как он, – в автомобилях, купленных ими в складчину, – а возвращаясь домой в виргинские пригороды, где он жил с женой и четырьмя детишками, Бобби заворачивал с друзьями на стрельбище, дабы снять накопившееся за день напряжение, паля по бумажным силуэтам лиходеев неопределенной этнической принадлежности.

«Альянс за умеренность», называвшийся прежде Национальной ассоциацией алкогольных напитков, представлял компании по производству зернового спирта, вина и пива. Назначив главным своим публичным говоруном Полли Бейли, «Альянс», несомненно, сделал правильный выбор. Усиливающийся подъем неопуританизма и неопрогибиционизма, сопровождаемый катастрофическим падением объемных показателей, внушил «Альянсу» мысль о необходимости новых подходов. В итоге реклама производителей пива

переключилась с блондинок в бикини и наклюкавшихся собачек на изгваздавшихся в нефти парней, героически спасающих тюленят; производители сухих виноградных вин стали все больше напирать на снижение их продуктами содержания холестерина в крови, а производители напитков покрепче, махнув рукой на ледяной сухой мартини, принялись взывать к совести своих потребителей, уговаривая их не садиться за руль в пьяном виде. Вот тогда-то торговая их ассоциация и заменила традиционно напористого, не шибко молодого белого господина в деловом костюме речистой особой, способной вскружить не одну голову. Полли, хорошенькая, смуглая, миниатюрная, с бойкими голубыми глазами и длинными (от природы) ресницами, была явным образом рождена для рекламы мыла, поэтому, когда она появлялась на телеэкране, чтобы оспорить последний правительственный отчет относительно числа совершенных в пьяном виде автомобильных аварий или синдрома «пьяного зачатия» – вместо того чтобы поведать о том, как она жить не может без мыла «Слоновая кость», – эффект получался сногшибательный. О гениальности ее, как отметил про себя Ник, свидетельствовало хотя бы то, что она не обрезала волосы, а отрастила их до самых плеч, так что весь ее облик – истинное воплощение молодости и живости – ничем не напоминал о привычном натужно-деловом стиле, который женщины усваивают, принося природную свою красоту в жертву ассимиляции полов, без коей невозможно дорасти до поста равноправного партнера, старшего вице-президента или хотя бы министерской секретарши.

Полли курила – сигарету за сигаретой, – отчего голос ее приобрел приятную хрипотцу, и, когда она, безупречно жонглируя словами, уклонялась от прямых утверждений относительно содержания алкоголя в крови или акцизных сборов, слушавшему ее казалось, будто он лежит с ней в постели – простыни смяты, в стереоколонках звучит джаз, мерцают свечи, табачный дымок кольцами уходит к потолку. Мало того, она еще и одевалась не без элегантности – это в Вашингтоне-то, где на элегантную женщину принято взирать с подозрением. Полли предпочитала черные с белым костюмы от Донны Каран – в особенности те, с преувеличенными воротниками, сообщающие женщине нечто от школьницы, одновременно намекая, что не принимать ее всерьез – значит совершать большую глупость. В общем, если в Вашингтоне и существовал человек, способный постоять за этиловый спирт, то им была Полли.

Производители спиртного, в стараниях продать побольше своего зелья, с незапамятных времен прибегали к услугам женщин, заставляя их страстно обнимать на рекламных плакатах фаллические бутылки или выставять напоказ ножки, уютно воркуя с подружками о привязанности своих новых кавалеров к

какой-либо марке скотча, но почему же, дивился Ник, до них лишь теперь дошло, что для создания благоприятного общественного мнения следует использовать красивую женщину? Разве сенаторы и конгрессмены, принимающие решения насчет предупредительных надписей и акцизных сборов, восприимчивы к сексуальной притягательности менее прочих людей? Разве и сам Ник не столкнулся в последнее время с необходимостью отстаивать свою традиционную белую мужественность перед боссом, которому, похоже, не терпится заменить его телегеничной Дженнет?

Полли родилась на юге Калифорнии, поступила, имея в виду дипломатическую карьеру, в Джорджтаунский университет, однако провалилась на решающем экзамене и в итоге нашла работу на Капитолийском холме, где большую часть времени бегала вокруг того или иного стола от конгрессменов из тех, у кого на уме не одно только завершение прений.

В конце концов она получила пост заместителя главы аппарата Сельскохозяйственного комитета палаты представителей – комитета, руководимого весьма влиятельным во фракции большинства членом названной палаты. Член этот происходил с севера Калифорнии, где виноградники к тому времени были практически изведены филлоксерой; именно блистательно проведенная Полли интрига позволила ему заключить подобие брака по расчету с членом из цитрусового региона и отхапать субсидии у двух других членов, представлявших, соответственно, авокадо и артишоки, – в стараниях добиться субсидий, как и в стараниях добиться любви, все средства хороши. Член Полли вознаградил ее за прилежание и тяжкие труды тем, что назначил руководителем аппарата кого-то другого, так что когда искренне благодарный ей глава винного отдела «Альянса за умеренность» позвонил Полли, чтобы поздравить с блестящей победой, и между делом заметил, что не прочь был бы иметь в своем штате человека с ее качествами, Полли переметнулась к нему.

Еще не дожив до тридцати, она вышла замуж за коллегу по Холму, Гектора, толкового, привлекательного и честолюбивого молодого человека, казалось самой судьбой предназначенного для того, чтобы со временем сыграть видную роль в той или иной президентской администрации. Однако, побывав на лекции Поля Эрлиха, провозвестника грядущих ужасов перенаселения, Гектор обратился в его ревностного адепта, ушел с Холма и поступил на работу в общественную организацию, занимающуюся бесплатной раздачей противозачаточных средств в «третьем мире» – преимущественно презервативов, по три миллиона в год. В «третьем мире» он и проводил четыре

пятых своего времени. Остаточную пятую часть Гектор коротал в Вашингтоне, пытаясь избавиться от последней подхваченной им в тропиках экзотической заразы, иные из которых делали его общество крайне неприятным. Судя по рассказам Полли, перенаселение стало манией Гектора, главным предметом всех его разговоров.

Впрочем, вернувшись из затянувшейся поездки в Западную Африку, он объявил Полли, прибегнув к выражениям не столько романтическим, сколько по-деловому точным, что желает, не сходя с места, обзавестись детьми, множеством детей. Полли это его желание застало врасплох. Было ли тут дело в чувстве вины перед миллиардами и миллиардами обманутых сперматозоидов «третьего мира» или в желании перенаселить свой собственный уголок в мире первом, Полли сказать не взялась бы; слушая мужа, она сознавала только одно: миг слабости, порожденной необходимостью бегать вокруг очередного стола, спасаясь от очередного предприимчивого конгрессмена, бросил ее в объятия законченного неудачника.

Гектор что ни день все больше и больше костенел в своей решимости. Между тем кожа у него совершенно позеленела от сомнительных противомаларийных таблеток, купленных у жуликоватого браззавильского аптекаря, что в сочетании с его маниакальной тягой к размножению пагубным образом повлияло на половой инстинкт Полли. Гектор предъявил ей ультиматум, а когда Полли оный отвергла, сказал, что все кончено и что он пойдет искать по свету лучшего применения для своего жезла плодородия. Осенью они развелись. Ныне Гектор пребывал в Лагосе, Нигерия, организуя разбрасывание с самолетов огромного количества презервативов над толпами, которые, как предполагалось, стекутся к мессе во время предстоящего визита папы.

Сколь ни осмотрительны были члены «Отряда ТС», от случая к случаю они, дабы укрепить в своей среде, среде отверженных, дух товарищества, приглашали на ленч кого-нибудь из коллег. У них в гостях перебивали коллеги из таких организаций, как представляющее производителей телятины Общество за гуманное обращение с молодняком, союз «Друзья дельфинов», называвшийся прежде Тихоокеанской ассоциацией ловцов тунца, Американская ассоциация за безопасность на дорогах, объединяющая владельцев и производителей трехприцепных грузовиков, Фонд обогащения почв, изначально именовавшийся Коалицией за ответственное избавление от радиоактивных отходов, и многие иные. Случались и гости иностранные. Скажем, недавно побывавший у них

общественный представитель Бразильской ассоциации скотоводов поделился своими соображениями о способах сохранения девственной сельвы. Он очень смешно показывал, как разлетаются, завидев бульдозеры, стайки попугаев.

Они всегда занимали у Берта один и тот же столик в зале для курящих, рядом с камином, электрический нагреватель которого обливал их отблесками уютного, пусть и поддельного пламени. Ник заказывал свой обычный салат «Кобб» (который у Берта подавался с чуть ли не четвертой вязкого голубого сыра поверх груды бекона и мелко нарезанного яйца, достаточной, чтобы закупорить артерию размером с туннель Холланд[9 - Холланд – первый в мире автомобильный туннель, проложенный под рекой Гудзон. Состоит из двух стволов диаметром девять метров каждый.]) плюс кофе глясе, дабы смыть все это и подкрепить таламус перед послеполуденными схватками со средствами массовой информации.

Бобби Джей, как правило, угощался зажаренными в тесте креветками с майонезом. Полли, недолго повздыхав над значащимся в меню кальмаром, ограничивалась зеленым салатом с французской приправой и стаканом фирменного «chenin blanc», живительного напитка, более чем стоящего своих трех долларов семидесяти пяти центов.

Полли заметила, как мрачно вглядывается Ник в свой глясе.

– Ну, – сказала она, – как делишки?

То был традиционный в «Отряде ТС» зачин. Ответ всегда давался один и тот же – «паршиво», так как рассчитывать, что медицина обнаружит продлевающие жизнь свойства курения, или что резко понизится процент совершаемых с применением ручного оружия убийств, или что некий юнец с 0,24 процента алкоголя в крови, вместо того чтобы загубить чью-нибудь многообещающую молодую жизнь, вдруг возьмет да и спасет ее, – рассчитывать на все это особо не приходилось.

– Как у тебя прошло с «Легкими»? – спросила Полли, глубоко затягиваясь длинной сигаретой с низким содержанием смол. Ник уже говорил ей, чтобы она завязала с ними, поскольку исследования показали, что человек, стремясь получить нужную ему порцию никотина, лишь выкуривает таких сигарет побольше, – сведения, которые невозможно было отыскать во всей обширной

литературе, издаваемой Академией табачных исследований.

– А, – сказал Ник, – все нормально. Правда, эта дура призвала к полному запрету рекламы. Вот уж удивила так удивила.

– Я поймала по Си-СПЭН[10 - Си-СПЭН – некоммерческая кабельная телесеть.] кусочек твоего выступления. Мне понравилось насчет Мурада.

– Угу.

– У тебя все в порядке?

Ник рассказал ей о разговоре с БР, о том, что к понедельнику, к половине седьмого утра, ему надлежит представить прожект, способный одним махом обратить вспять волну антитабачных настроений, набравшую силу вот уже сорок лет. Полли мигом вникла в суть проблемы.

– Он просто хочет усадить на твое место Дженнет. Только и всего.

И, пообещав что-нибудь придумать к понедельнику, Полли сменила тему и вновь вернулась к Главному врачу:

– Ты же понимаешь, следующие у нее на очереди мы. Я еще ни разу не слышала об акцизном сборе, который бы ей не понравился. И финансирование здравоохранения тут ни при чем. Ей просто не угодно, чтобы кто-нибудь что-нибудь пил. И точка. На следующей неделе здесь состоится ежегодный съезд пивных оптовиков, так они ее просто убить готовы. Грозятся все свои грузовики загнать на Эспланаду[11 - Эспланада – часть парка в Вашингтоне, расположенная между Капитолием и Мемориалом Линкольна.].

– Интересно будет взглянуть, – сказал немного повеселевший Ник. – Памятник Вашингтону в окружении грузовиков «Будвайзер».

– Они уже на стену лезут. Шестьдесят четыре цента акциза за упаковку из шести банок? Правительство хочет выехать из бюджетного дефицита на горбу торговцев пивом, а тем почему-то кажется, что это нечестно.

По временам собрания «Отряда ТС» смахивали на сходки голливудских сценаристов, обменивающихся за чашкой кофе только что придуманными шуточками. Правда, шуточки членов «Отряда» несколько преуменьшали смертельно опасный характер их продукции.

До этой минуты Бобби Джей не принимал участия в разговоре, поскольку сидел, прижимая к уху сотовый телефон и выслушивая «сенсационные новости», каковые для людей их профессии оборачивались обыкновенно «новостями дурными». На сей раз очередную пакость учинил «разочарованный почтовый служащий», то есть человек из тех, от кого оружейная промышленность привычно не ждет ничего хорошего. Придя, как обычно, воскресным утром в церковь городка Карбюратор-сити, штат Техас, служащий в разгар проповеди на тему «Чувствовали ли вы любви, кои Всемогущий Господь простирает повсюду» встал и одним выстрелом снес проповедника с кафедры, после чего открыл огонь на уничтожение по церковным хористам. Тут он несколько отклонился от положенной процедуры, ибо не «обратил свое оружие против себя», как в подобных случаях пишут газеты. Видимо, «разочарован» он был не настолько, чтобы свести счеты с жизнью. Теперь на него велась самая массированная в истории штата Техас охота. По словам Бобби Джея, Общество по распространению принимало в связи с этой историей по две тысячи звонков в день.

– Одобрительных или не очень? – спросил Ник.

– Тебе известно, сколько «разочарованных почтовых служащих» выкинуло подобный фортель за последние двадцать лет? – спросил Бобби Джей, поднося ко рту вилку с креветками. – Семеро. И что я хотел бы узнать? Я хотел бы узнать, отчего все они такие разочарованные? В конце концов, почта-то не до них не доходит, а до нас.

Полли задала профессиональный вопрос:

– Оружие боевое?

Бобби Джей ободрал зубами хвостик креветки.

– На этот раз я, пожалуй, ответил бы утвердительно. Конечно, в девяти случаях из десяти то, что называют боевым оружием, таковым не является. Но поди

объясни это нашим друзьям вон оттуда. – Он ткнул замасленным большим пальцем в сторону здания «Вашингтон сан». – Их послушать, так и воздушка моего десятилетнего сына тоже боевое оружие. – Бобби поднял вилку. – Для них и вот это – самое что ни на есть боевое оружие. Что ж нам теперь, вилки запретить?

– Вилки? – переспросил Ник.

– «Не вилки убивают людей, людей убивают люди», – сказала Полли. – Не знаю, может, это сработает?

– Он стрелял из «меткого командос» сорок пятого калибра. Строго говоря, эту штуку можно отнести к разряду полуавтоматического боевого оружия.

– Еще бы, при таком-то названии, – сказала Полли. – Ты б уговорил производителей давать оружию более мирные названия. Что-нибудь вроде «благодущный увещеватель» или «спутник домашней хозяйки».

– Но вот чего я не понимаю – с какой стати этот сучий потрох стрелял пулями «гидра-шок»?

– Ничего себе, – сказал Ник.

– Это же армейский боеприпас. С ним только на террористов ходить. Такая пуля взрывается внутри человека. – И Бобби показал на пальцах, как «гидра-шок» ведет себя в человеческом теле.

– Я тебя умоляю, – сказала Полли.

– Он что себе думал? – риторически спросил Бобби Джей. – Что проповедник и хористы носят под облачением пуленепробиваемые жилеты? Какого вообще черта происходит нынче с людьми?

– Хороший вопрос, – откликнулся Ник.

– Ты-то что в связи со всем этим предпринимаешь? – спросила Полли.

– И почему всякий раз, как какой-нибудь... рехнутый почтмейстер учиняет стрельбу в церкви, все тут же тянутся к веревке, чтобы вздернуть нас? Можно подумать, что это мы вручили ему оружие и сказали: «Иди перестреляй всех прихожан». Редекамп – репортер из «Сан» – звонит мне, и я просто слышу, как он пухнет от счастья. Он обожает массовые бойни. Это основной продукт его питания. Свинья безбожная. Я ему говорю: «Когда самолет разбивается из-за ошибки пилота, вы обвиняете корпорацию „Боинг“?»

– Неплохо, – сказал Ник.

– Когда какой-нибудь налившийся до бровей алкаш переезжает человека, вы бьетесь о двери «Дженерал моторс» и вопите «J'accuse»? [12 - Я обвиняю (фр.).]

– Прямо так и сказал? – удивилась Полли.

– Ну хорошо, – отозвался Ник. – И все-таки как ты справляешься с ситуацией?

Бобби Джей стер с губ пятнышко майонеза. Глаза его блеснули.

– Господь сам управился с ней.

Ник знал Бобби Джея как человека честного, усердного в молитве, которую он делил, как и автомобили, с другими, ему подобными, человека, склонного приправлять свою речь библейскими фразами, сообщая, скажем, что некто «точно брат Исава, продал себя с потрохами за миску чечевичной похлебки», но психом его отнюдь не считал. С ним можно было нормально поговорить на любую мирскую тему. Однако последнее высказывание насчет Господа, взявшегося улаживать идиотскую ситуацию, заставило Ника задуматься, не следует ли и Бобби занести в список пострадавших от обсуждаемого ими несчастного случая.

Оглянувшись через плечо, Бобби Джей склонился к собеседникам:

– Других объяснений я не вижу. Возможности вроде этой ниспосылаются только свыше. И только истинно верующим.

– Бобби Джей, – озабоченно поинтересовалась Полли, – ты хорошо себя чувствуешь?

– Выслушай меня, о маловерная, и после скажи, не Господь ли простер руку Свою над стариной Бобби Джеем. Я ехал в машине на работу...

– Вместе с Пригородными свидетелями Иисуса?

– Нет, Полли, и, кстати, не вижу тут ничего смешного. Я ехал один. Слушал телефонное шоу Гордона Лидди...

– Воображаю, – сказала Полли.

– Гордон, между прочим, мой друг. Ну, в общем, молотит он обычную лабуду об этой самой стрельбе, и тут раздается звонок, и он говорит: «Карбюратор-сити, вы в эфире», а следом женский голос произносит: «Я была в той церкви и хочу сказать вам, что человек, с которым вы только что разговаривали, совершенно неправ». Я чуть с дороги не слетел. А она говорит: «У меня есть пистолет, но, поскольку закон штата Техас не позволяет носить оружие с собой – только держать в машине, я оставила его в бардачке. Так вот, если бы пистолет был со мной в церкви, наш хор пел бы сейчас „Ходи со мною, Иисусе“».

Нику стало завидно. Хоть бы раз кто-нибудь позвонил, когда его распинали в очередной радиопередаче, и сказал: «Если бы я последние сорок лет не выкуривал по пять пачек в день, я бы давно уже копыта отбросил».

Бобби Джей, вытаращив глаза, продолжал:

– Гордон был на седьмом небе. Он продержал эту бабу в эфире минут пятнадцать. И она раз за разом повторяла: какая трагедия, что при ней не было ее миниатюрного «смит-вессона» тридцать восьмого калибра, который позволил бы избежать такого несчастья. Она находилась от него так близко! Прострелила бы ему башку, и все! – Бобби протянул руку, прицеливаясь в человека за соседним столиком. – Бабах!

– Тише ты, Бобби, клиентов распугаешь.

– И как же ты поступил? – спросил Ник.

– Как я поступил? – забулькал Бобби. – Как я поступил? Это я тебе расскажу. Я дал по газам, и понесся в аэропорт Нэшнл[13 - Один из двух аэропортов Вашингтона.], и потребовал билет на следующий рейс до Карбюратор-сити. Следующего рейса до Карбюратор-сити у них не оказалось, не оказалось вообще никакого. Попастъ туда можно только через Даллас. Тем не менее я сумел добраться до гостиницы этой маленькой леди уже к шести часам вечера.

– Маленькой леди? – переспросила Полли. – Видали наглеца?

– Полтора метра от силы, – огрызнулся Бобби. – На каблуках. И леди до мозга костей. Описательное предложение, не более того, так что позвольте я продолжу, мисс Заноза-в-глазу? Наши ребята с камерами прибыли туда уже к следующему полудню. И интервью с ней обратилось после соответствующего монтажа в лучший видеоклип в классическом стиле, какой вы когда-либо видели.

Бобби выставил перед собой ладони на манер режиссера, вглядывающегося в будущий кадр.

– Мы начали так: «Карбюратор-сити, штат Техас. Страдающий умственным расстройством федеральный бюрократ...»

– Недурно, – сказал Ник.

– Дальше лучше: «...напал в церкви на проповедника и хористов...» На экране появляются кареты «скорой помощи», носилки, люди, скрежещущие зубами и рвущие на себе волосы...

– Так уж и рвущие, – сказала Полли.

– В общем, картина кровавой бойни и смятения, – продолжал Бобби Джей. – Багровый хаос!

– Багровый хаос? – переспросила Полли.

– Закройся, Полли, – сказал Ник.

– Вступает голос. Догадайтесь чей? – с напускной скромностью предложил Бобби.

– Чарлтона Хестона?

– Нет, сэр, – жеманно улыбаясь, ответил Бобби. – Попробуйте еще раз.

– Дэвида Дьюка, – предположила Полли.

– Джека Таггарди, – торжествующе произнес Бобби.

– Лихо, – сказал Ник.

– А ему разве не вшили чужие бедренные кости? Я читала в «Пипл».

– При чем тут бедренные кости, хотел бы я знать? – удивился Бобби Джей.

– Он ходить-то вообще может или не может?

– Ну не может, ну и что с того?

– Ты давай дальше рассказывай, – сказал Ник.

Бобби опять изобразил ладонями кадр.

– Значит, вступает голос Таггарди: «Можно ли было избежать этой ужасной человеческой трагедии?»

– Вопрос, – сказал Ник, – почему «человеческой»?

– А почему нет? Кто, по-твоему, пострадал, человеки или не человеки?

– Может быть, лучше «нечеловеческой трагедии»?

– Точно, – сказала Полли.

– Ладно, это мы подредактируем. Вы будете наконец слушать?

– Будем, – сказал Ник, – еще как.

– Следом появляется моя маленькая леди. Сидит в кресле, вся такая подтянутая и симпатичная. Не женщина – конфетка. Я к ней отличного парикмахера приставил. Она еще и намазаться хотела, но я не велел. Мне требовалось, чтобы у нее были красные от плача глаза. Так что мы ей малость потеряли луком под веками – штука безвредная, нужное настроение создает, открывает слезные протоки.

– Луком?

– Да в общем-то и зря. Она как увидела сделанные полицией цветные снимки – я их держал прямо перед ней, у камеры, – разрыдалась что твое дитя. Сначала все твердила, до чего это ужасно, а после перешла прямо к пистолету, который ей пришлось оставить в бардачке. И вот тут она вдруг уставилась в камеру, в лицо зрителю, промокнула платочком уголки глаз – в сценарии ничего такого не было – и говорит: «Почему законодатели, которых мы избираем, не позволяют нам защищать самих себя? Неужели просить их об этом – значит просить слишком много?» Затемнение. Тут снова вступает Таггарди, а его уж ни с кем не спутаешь: «Вторая поправка к Конституции гласит, что право народа хранить и носить оружие не может ограничиваться. Поддерживают ли избираемые вами законодатели Билль о правах? Или они просто пытаются запудрить вам мозги?» – Бобби Джей откинулся в кресле. – Ну, как оно вам?

– Впечатляет, – сказал Ник. – Мастерская манипуляция посттравматическим стрессом.

– Ароматнее, чем жимолость при луне, – ухмыльнулся Бобби Джей.

– Мои поздравления, – сказала Полли. – Настоящий шедевр.

– К сегодняшнему вечеру каждый член Конгресса от штата Техас и каждый член законодательного собрания этого штата получит по копии нашего ролика. К

завтрему их получают все греховодники, каких нам удастся застукать в Конгрессе. Возможно, мы даже крутанем его по национальному телевидению. На этот счет мистер Драм решения пока не принял, но, я думаю, тут он меня послушается.

Босс Бобби Джея был одним из немногих в Вашингтоне начальников, настаивавших на том, чтобы его называли мистером. Это была часть его мистической ауры, и ауры, сказать по правде, немаленькой. Когда он, много лет назад, принял на себя руководство неблагополучным Обществом, в Америке ходило по рукам всего-навсего пятьдесят миллионов единиц стрелкового оружия. Теперь их насчитывалось больше двухсот миллионов. В плане физическом это был представительный, хоть и совершенно лысый мужчина. Редекэмп из «Сан» ухитрился выкопать где-то сведения о том, что в возрасте шестнадцати лет мистер Драм застрелил семнадцатилетнего приятеля, поспорив с ним о том, кому из них принадлежит коробчатая черепаха. Обвинительный приговор впоследствии отменили на том основании, что коробчатая черепаха, вскоре скончавшаяся – вероятно, от стресса, – не была предъявлена суду в качестве вещественного доказательства. Тем не менее настроенная против Общества вашингтонская пресса, то есть вся вашингтонская пресса за вычетом консервативной «Вашингтон мун», всякий раз, упоминая мистера Драма, поминала и этот прискорбный инцидент.

Подали кофе. Ник повернулся к Полли:

– А как поживают «умеренные»?

– Вообще-то, вчера мы получили отличную новость, – сказала Полли. Это было нечто из ряда вон. Ник не помнил ни единого случая, когда за их столом произносились такие слова. – Верховный суд Мичигана постановил, что проверки водителей на трезвость прямо на дорогах неконституционны.

– Крышка празднику, – сказал Ник.

– Правда, Верховный суд США объявил их конституционными, так что теперь они конституционны везде, кроме Мичигана.

– Ты видишь? – спросил Бобби Джей.

– Что именно? – поинтересовался Ник.

– Схему, по которой они действуют. Сначала они нас разоружают, а потом выставляют засады на дорогах. Все идет по плану.

– Чьему?

– А знаешь, что помогает обмишурить эту их трубочку? – продолжал Бобби Джей. – Таблетки активированного угля.

– Может, использовать их в нашей новой кампании, в «Сознательном водителе»? – сказала Полли. – «Если уж садитесь за руль пьяным в стельку, так, пожалуйста, сосите уголек».

– Они продаются в зоомагазинах. Для очистки воздуха в аквариумных насосах. Не знаю уж, много ли от них там проку, потому как стоит мне купить моим ребятишкам новых рыбок, и те уже через день всплывают кверху брюхом. В общем, держишь таблетку под языком, и она разрушает молекулы этанола.

– А полиция не спрашивает, почему у тебя торчит изо рта угольный брикет?

– А нету такого закона, чтобы не держать во рту уголь, – сказал Бобби Джей.

– Будет, – хором заверили его Ник и Полли.

То обстоятельство, что в любой наугад взятый миг некто, окопавшийся в «гигантской федеральной бюрократической машине», вводит нормы и правила, направленные лично против них, все они принимали как данность. Они были кавалерами ордена Потребления, выстроившимися в чистом поле для битвы с «круглоголовыми»[14 - «Круглоголовые» – прозвище возглавляемых Кромвелем пуритан во время гражданской войны в Англии (XVII в.).] от неопуританизма.

– Кто меня действительно беспокоит, – сказала Полли, – так это мои пивные оптовики, которые прикатят сюда на той неделе.

– С чего бы это? – спросил Ник.

– Мне предстоит препираться с Крейгхедом перед их двухтысячной толпой.

Гордон Р. Крейгхед был видным «неизбираемым бюрократом», командовавшим Отделом по предотвращению злоупотреблений дурманящими веществами в Министерстве здравоохранения и социальных служб – «зануд и сволочных скудоумцев», как именовали министерских чиновников люди, работающие в алкогольной и табачной индустриях. Отдел Крейгхеда тратил около трехсот миллионов в год на поддержку борцов с курением и вождением машин в пьяном виде. И хотя согласно статистике табачная промышленность расходовала на рекламу курения два с половиной миллиарда в год, или четыре тысячи долларов в секунду, Ник не упускал случая посетовать на «чрезмерно раздутый бюджет» ОПЗДВ.

– Ну, с Крейгхедом ты как-нибудь сладишь.

– С ним-то слажу, а вот с оптовиками... Они люди простые. Большинство начинало дальнобойщиками. Боюсь, если Крейгхед вякнет что-нибудь о новом повышении акцизных сборов или взносов на повторную переработку, они начнут кидаться в него чем ни попадя. Или обматерят сверху донизу. А что толку?

– Ответы на вопросы у вас запланированы?

Полли сказала: да, по завершении дебатов они будут отвечать на вопросы из зала.

– Тогда заставь своих мужланов представить вопросы в письменном виде. Мы как-то дискутировали с «Матерями против курения» – на конгрессе владельцев торговых автоматов. Вопросы задавались прямо из зала. Это был тихий ужас. Владельцы выдирали микрофон друг у друга и орали на матерей: «Ты вырываешь кусок хлеба изо рта моего малыша, а еще мать называется!» Я даже удивился. Мне всегда казалось, что у мафии принято относиться к матерям с определенным почтением. А теперь «Матери против курения» не желают даже отвечать на мои звонки. После этого я ввел правило – вопросы только в письменном виде. Девиз для съезда ты уже придумала?

– «Мы – часть Решения», – ответила Полли. – Как тебе?

Ник поразмыслил:

– Мне нравится.

– Пришлось помучиться, – сказала Полли. – Они требовали чего-нибудь поагрессивнее. Те еще склочники, мои оптовики.

– У меня есть для тебя хороший девиз, – сказал Бобби Джей. – Видел на футболке. «День не пил, считай, и не жил».

– Поначалу, – не обращая на него внимания, сказала Полли, – мы выбрали «В духе сотрудничества», но они заявили, что это смахивает на рекламу духов. Наша публика никаких конкурентов на дух не переносит. У меня половина времени уходит на то, чтобы не дать пивным торговцам поубивать винных, а винным – всех остальных. «Альянс» и придуман-то для того, чтобы в пору снижения объемных показателей собрать все силы в единый кулак, но это все равно что пытаться объединить Югославию. – Полли отхлебнула холодного капучино. – Родоплеменные отношения.

Она закурила. Нику нравились женщины, умеющие курить эротично. Полли откинулась в кресле, уложила левую руку под грудь, подперев ею локоть правой, – правая отведена чуть в сторону, сигарета глядит в потолок. Долгие, глубокие затяжки, голова чуть откидывается, затем столь же долгие, неторопливые, элегантные выдохи с очищающим легкие коротким и резким выбросом дыма под самый конец. Прекрасная курильщица. Мать Ника тоже была в свое время прекрасной курильщицей. Он помнил ее сидящей у бассейна: лето в середине пятидесятых, длинные ноги, короткие шорты, заостренные на внешних краях солнечные очки, широкая соломенная шляпа, губная помада, оставляющая яркие, липкие мазки на окурках, которые он поворачивал и, кашляя, досасывал за гаражом.

От этих грез Ника пробудил визгливый стрекот сотового телефона Бобби Джея. Бобби с заученной невозмутимостью откинул крышку телефона, щелкнув ею, как пружинным ножом.

– Блсс. Да? – сказал Бобби. – Отменно.

Он поднял взгляд на Ника и Полли:

– Почтовый служащий. Они его достали. Угу... угу... Миссури... угу... угу... что? – Брови Бобби полезли вверх. – А Си-эн-эн как об этом пронюхала? При нем? ФБР... что ты сделал? Надеюсь, им ты ничего не сказал? Членство проверил?

Ник смотрел, как у Бобби обвисают щеки, и думал: «Вот оно, лицо в свободном падении».

– Постоянное? И он его оплатил? Ну так проверь, да поскорее, прежде чем что-то предпримешь. Нет, ни в Си-эн-эн, ни в ФБР больше не звони. И хрен с ними! Буду через три минуты.

Бобби защелкнул телефон. Ник и Полли смотрели на него, ожидая объяснений.

– Мне надо бежать, – сказал Бобби, бросая на стол двадцатку. Банкнота упала, как падает в лужицу талого льда осенний листок.

– А нам, значит, прикажешь узнавать, что случилось, от Си-эн-эн?

Вид у Бобби был такой, словно его вот-вот прошибет холодный пот.

– Вздохни поглубже, – посоветовал Ник.

– Сукин сын оказался членом нашего Общества, – сказал Бобби Джей. – И не простым, а пожизненным.

– А как Си-эн-эн об этом узнала?

– Он таскал с собой членский билет. У Си-эн-эн имеется снимок – билет валяется рядом с его бумажником. В луже крови.

– М-да, – сказал Ник, уже распроставшийся с завистью к невероятному везению Бобби. По крайности, жертвы табака мирно доживают свое в больничных палатах.

– За моей спиной «Общество»! – произнесла Полли, намекая на широко известный плакат «Общества по распространению», на котором мужественный, хоть немного и полинялый актер стоит посреди стрельбища с дорогим,

украшенным гравировкой ружьем в руках.

– Полли! – одернул ее Ник.

Сколько в ней все-таки цинизма, в Полли. Временами Нику хотелось ее отшлепать. Полли отмахнулась – «подумаешь!». Бобби Джей, забыв обо всем на свете, стоял, уставясь в середину стола. Полли провела перед его глазами ладошкой и сообщила Нику:

– По-моему, он сейчас брякнется в обморок.

– О господи, – тихо произнес Бобби, – видеоклип!

– Может, попробуешь его отозвать? – сказал Ник, но Бобби уже вылетал из дверей, на пути к долгим часам, которые ему предстояло провести за письменным столом, терзаясь и, это уж точно, зарабатывая геморрой.

3

Пока Ник отсутствовал, позвонил режиссер шоу Опры Уинфри и спросил, не согласится ли Ник приехать в понедельник днем в Чикаго для участия в шоу. Призыв ГВ полностью запретить рекламу табачных изделий наделал много шума, и Опра хотела посвятить ближайшее свое шоу курению. Ник немедленно перезвонил режиссеру и ответил согласием. Это была удача, и немалая. Миллионы и миллионы женщин – основных потребителей сигарет – смотрели Опру. Ник испытал соблазн звякнуть БР, однако решил разыграть эту карту по-умному, поставив небольшой эксперимент. Он позвонил Дженнет и, расспрашивая ее о какой-то ерунде, подпустил между делом: «А, чуть не забыл, в понедельник мне выступать в шоу Опры, так будь добра, собери все, что у нас есть, по неэффективности рекламы».

Он запустил секундомер на своих ручных часах. БР перезвонил через четыре минуты: что там за история с Опррой? Ник пространно рассказал, как он в течение долгого времени «окучивал» одного продюсера и как это окучивание наконец окупились.

– Я вот подумал, может, нам стоит Дженнет послать? – сказал БР.

Ник стиснул зубы.

– Шоу будет сенсационное. Приглашены люди с самого верха. Мне дали ясно понять, что им нужен главный общественный представитель табачной индустрии.

А не твоя кабинетная обжималка.

– Ладно, – раздраженно сказал БР и повесил трубку.

Позвонила мать – напомнить, что Ник с Джоем уже больше месяца не появлялись у них на воскресном ужине. Ник в свой черед напомнил ей, что при последнем визите отец прямо за столом обозвал его проституткой.

– По-моему, это показывает, как сильно он тебя уважает – так сильно, что считает возможным говорить с тобой совершенно откровенно, – сказала мать. – Да, кстати, сегодня утром звонила Бетси Эджворт, сказала, что видела, как ты рассказывал по Си-СПЭН про какого-то турецкого султана. Говорит: «Ник такой обаятельный! Как жаль, что он бросил журналистику. Сейчас у него уже было бы собственное шоу».

– Мне нужно идти, – сказал Ник.

– Приведи Джоя к ужину в воскресенье.

– Не могу. Воскресенье у меня тяжелое.

– Как это воскресенье может быть тяжелым?

– В понедельник я выступаю у Опри. Нужно подзубрить кое-что.

Пауза.

– Ты выступаешь в шоу Опри Уинфри?

– Да.

– Ну ладно. Добудь у нее автограф для Сары. Сара любит Опру Уинфри. – Сара была их служанкой, той самой, из-за которой Ник так и не научился справляться с собственной секретаршей. – Опра курит?

– Сомневаюсь.

– Тогда лучше возьми автограф перед шоу. А то вдруг все они на тебя разозлятся, как – помнишь? – вышло с Регисом и Кэти Ли.

Ник опаздывал. Он сбежал в подземный гараж, продрался со всей агрессивностью, на какую был способен, сквозь пятничный поток машин и все равно подъехал к Св. Эвтаназию на добрых полчаса позже положенного. Одетый в форму колледжа Джой с несчастным видом сидел перед главным зданием на бордюрном камне. Ник, визжа покрышками, затормозил и выскочил из машины, будто участник операции, проводимой командой СУОТ[15 - СУОТ – специальное полицейское подразделение для борьбы с террористами, освобождения заложников и т. п.].

– Опоздал! – крикнул он, подтверждая очевидное.

Джой смерил его испепеляющим взглядом.

– О, мистер Нейлор.

Только его не хватало. Григс, директор школы.

– Ваше преподобие, – произнес Ник, натужно изображая радость.

Григс до сих пор не простил Нику, что тот, заполняя бланк прошения о приеме Джоя в школу, в графе «Занятие отца» написал: «Вице-президент крупной деловой ассоциации производителей». Григс ведь не ведал, что Ник является старшим вице-президентом компании «Геноцид, Инк.», пока как-то ночью не увидел его в программе «Вечерней строкой»[16 - Вечерняя информационная программа телекомпании Эй-би-си. Выходит в прямой эфир с 1980 г. в 23.00, пять дней в неделю.] сцепившимся с главой профсоюза авиационной obsługi по

поводу воздействия табачного дыма на некурящих пассажиров. Но к тому времени Джоя уже приняли в самую престижную в Вашингтоне школу для мальчиков.

Григс скосился на часы, показывая, что получасовое опоздание Ника не ускользнуло от его внимания.

– Добрый день, – протягивая руку, сказал Ник. Он надеялся, что ему удастся отделаться шутливым враньем насчет пятничных пробок на дорогах округа Колумбия. – Рад вас видеть, – солгал он.

Его вовсе не привлекала роль объекта молчаливого презрения со стороны директора школы, в которой учились сыновья эмиров Персидского залива и членов Конгресса. За одиннадцать тысяч семьсот сорок два доллара в год преподобный отец Джосайя Григс мог бы оставлять свое отношение к нему в церковном притворе.

– На улицах творится нечто ужасное, – сказал Ник.

– Да. – Григс кивнул так медленно и веско, точно Ник сию минуту предложил ему коренным образом переработать «Книгу общей молитвы». – Пятница... разумеется.

– А мы в этот уик-энд на рыбалку собрались, – меняя тему, сказал Ник. – Правда, Джой?

Джой не ответил.

– Я вот подумал, не смогли бы вы заглянуть ко мне на той неделе? – с важностью, приличествующей директору школы, осведомился Григс.

Ник встревожился. Он оглянулся на Джоя, но по виду сына узнать что-либо о причине этого требования было невозможно.

– Разумеется, – сказал Ник. – Правда, в начале недели я, как правило, занят.

Мелькнула мысль: интересно, смотрит Григс Опру? Наверняка нет.

– Тогда, может быть, в конце? В пятницу? Вы сумеете приехать за Джоем несколько... раньше? – На узком лице Григса обозначилась тонкая улыбка.

– Да, – сказал Ник.

– Превосходно, – посветлел Григс. – А что собираетесь ловить?

– Зубатку.

– О! – Григс кивнул. – Элли, наша экономка, очень любит зубатку. Хотя мне она не нравится, внешне. Эти ее усищи. – И Григс, заложив за спину руки, удалился в свои покои.

Усевшись за руль, Ник спросил:

– Что ты натворил?

– Ничего, – ответил Джой.

– Тогда зачем я ему нужен?

– Я не знаю, – обронил Джой. Двенадцатилетние мальчишки не очень разговорчивы. Беседа с ними, как правило, сводится к игре в «двадцать вопросов».

«Замечательно, – подумал Ник, – придется идти на важную встречу вслепую».

– Предлагаю полную и безоговорочную амнистию. Что бы ты ни учинил, я на твоей стороне. Просто скажи мне: зачем Григс хочет меня видеть?

– Я же сказал – не знаю.

– Ладно. – Ник отъехал от бордюра. – Как прошла игра?

– Профукали.

– Ну, ты же помнишь, что сказал Йоги Берра. «Бейсбол на девяносто процентов – половина сумасшедшего дома».

Джой подумал:

– Получается сорок пять.

– Это шутка.

И Ник в несколько приемов вытянул из Джоя счет игры – 9:1.

– Самое главное, – Ник рискнул прибегнуть к утешительному тону, – это...

Да, и что же у нас самое главное? Ник закончил Воспитательную школу Винса Ломбарди, и отец его, сидя на трибуне, громогласно обвинял сына в трусости всякий раз, как Ник пропускал посланный по земле мяч. Вследствие чего Ник решил при воспитании собственного сына проявлять побольше терпимости.

– ...это чувствовать усталость в конце дня.

Аристотелю вряд ли удалось бы построить на этой посылке непротиворечивую философскую систему, но ничего, сойдет. Правда, Гитлер и Сталин тоже, наверное, чувствовали себя усталыми под конец дня. Однако то была не благая усталость.

Джой не высказал никакого мнения относительно этой «грандиозной теории бытия», указав лишь на то, что отец проскочил «Блокбастер видео»[17 - Крупнейшая в США сеть видеосалонов.] и теперь им придется разворачиваться в плотном потоке машин.

Они совершили привычный ритуал: Джой предлагал один неприемлемый фильм за другим – как правило, те, на футлярах которых изображались полуголые блондинки с пестиком для колки льда либо раздувшиеся от стероидов европейские качки, подавшиеся в актеры и теперь сносившие людям головы цепной пилой. Ник отвечал фильмами пятидесятых с Дорис Дей и Кэри Грантом, на что Джой проводил пальцем по горлу, высказывая свое отношение к шедеврам эпохи Гранта – Дей. Компромисс достигался обычно на фильме, посвященном

Второй мировой. Насилие – да, но показанное, по нынешним меркам, со вкусом, без этих, введенных в оборот Пекинпа кровавых ошметков, сверхзамедленно разлетающихся во все стороны от проделанного пулей отверстия. «О, вот этого ты не видел, – воодушевленно объявил Ник. – „Пески Иводзимы“ с Джоном Уэйном. Классная вещь!» Никакого энтузиазма подвиги Дюка, Джона Агара и Форреста Тернера, пробивающихся к вершине горы Сирубачи, у Джоя не вызвали, однако он снизошел до них, поставив условие, что они в семнадцатый раз возьмут «Скотный двор».

Ник жил на Дюпон-серкл, в квартирке с одной спальней, окна ее глядели на улицу, на которой за этот год произошло всего восемь ограблений, и только два из них со смертельным исходом. Большая часть его ста пятидесяти тысяч уходила на обслуживание закладной за дом, расположенный в нескольких милях отсюда, на Коннектикут-авеню, в тенистых окрестностях Кливленд-парка, – в нем жил Джой со своей матерью. Два раза в месяц Джой приезжал сюда, чтобы провести уик-энд с папочкой.

Отец с сыном сытно пообедали тройной пиццей с пепперони и домашним пирогом с мороженым. Домашний пирог с мороженым! И люди, набивая им животы, еще ухитряются волноваться насчет курения?

«Пески Иводзимы» оказались немного устаревшей, но хорошей, добротной картиной. И был в ней один момент... совершенно замечательный, когда Уэйн, проведший своих солдат через ад к победе, восклицает: «В жизни не чувствовал себя так здорово! Как насчет сигареты?» И только он протягивает своим ребятам пачку, японский снайпер – бах! – и убивает его. Ник, сам того не замечая, вытащил сигарету и закурил.

– Па-ап, – протянул Джой.

Ник послушно вышел на балкон.

БР не предложил Нику кофе из своего кофейника, хотя разговор их начался ровно в половине седьмого утра в понедельник. Произнести «С добрым утром» он также не удосужился, только: «Я всерьез надеюсь, Ник, что ты до чего-то додумался. От этого многое зависит».

– С добрым утром, – тем не менее сказал Ник.

– Я слушаю. – БР подписывал или притворялся, что подписывает какие-то бумаги.

– Нельзя ли мне кофе?

– Я слушаю, – сказал БР.

Что ж, обойдемся без кофе. Ник сел, сделал глубокий вдох.

– Кино.

– У меня нет времени на сократические диалоги. Переходи к сути.

– Это и есть суть.

БР неторопливо поднял на него взгляд:

– То есть?

– Я думаю, что ответ на нашу задачку способен дать кино.

– Каким образом?

– Тебе нужны обоснования? Могу составить памятную записку.

– Просто расскажи.

– В тысяча девятьсот десятом году, – начал Ник, – США производили десять миллионов сигарет в год. К тридцатому мы производили в год уже по сто двадцать три миллиарда. Что произошло между двумя этими датами? Три

события. Первая мировая война, помешательство на диетах и появление звукового кино.

БР слушал.

– Что касается войны, то солдатам неудобно было таскать с собой на поле боя трубки и сигары, поэтому им выдавали сигареты. И привились они так быстро, что в семнадцатом генерал Першинг отправил в Вашингтон каблограмму, в которой говорилось: «Табак является незаменимой частью повседневного рациона. Нам нужны тысячи тонн табака, и немедленно».

Ник не стал упоминать о том, что в 1919-м, сразу после войны, появились и первые жертвы практически неслыханного до той поры заболевания, именуемого раком легких. В Сент-Луисе декан медицинского факультета созвал студентов на производившееся им вскрытие бывшего пехотинца, сказав, что они вряд ли когда-нибудь увидят другой такой случай.

– Итак, мужчины перешли на сигареты. В двадцать пятом Лиггет и Майерс начали печатать рекламу «Честерфилда», на которой женщина говорит прикуривающему мужчине: «Выдыхай в мою сторону». Так было нарушено табу, разделявшее курящих и некурящих по половому признаку. Однако прошло несколько лет, прежде чем мы действительно объяснили женщинам, почему им стоит курить. Джордж Вашингтон Хилл, только что унаследовавший от отца «Американскую табачную компанию», ехал в машине по Нью-Йорку. Остановившись на светофоре, он заметил на углу толстуху, уминавшую шоколадку. Потом рядом с ним встало такси с элегантной дамой на заднем сиденье – и что она делала? Курила сигарету, быть может как раз «Честерфилд» Лиггета и Майерса. Добравшись до своего офиса, Хилл распорядился о начале рекламной кампании под лозунгом «„Лаки“ вместо шоколадки». И на женщин снизошло озарение. С тех пор они дымят себе и дымят. Как ты знаешь, они вот-вот обратятся в основных потребителей нашей продукции. К середине девяностых женщин среди курильщиков станет, впервые в истории, больше, чем мужчин.

БР поерзал в кресле.

– Что еще появилось тогда же? Звуковое кино – двадцать седьмой год, Эл Джолсон. Что в нем такого важного? Да то, что перед режиссерами возникла

проблема. Нужно было чем-то занять актеров, пока те разговаривают. И режиссеры вложили им в руки сигареты. Зрители смотрели, как закуривают их идолы – Кэри Грант, Кэроль Ломбард. Та же Бетт Дэвис – паровозная труба, да и только! А сцена в конце «Сейчас, путешественник», когда Пол Хенрейд закуривает для нее и для себя по сигаретке, держа обе во рту? Открытие целой области сигаретной эротики. А Богарт? Богарт! Ты помнишь первые слова, с которыми обращается к нему Лорен Баколл в «Иметь и не иметь», их первой совместной картине?

БР молча смотрел на него.

– Она, пританцовывая, входит в дверь, девятнадцатилетняя, секс в чистом виде, а голос! И говорит: «Найдется у кого-нибудь спичка?» Богги бросает ей коробок. И она его ловит. Величайший романтический фильм двадцатого века – а с чего он начинается? Со спички. Знаешь, сколько раз они в этом фильме закуривают? Двадцать один. Две пачки сигарет извели.

– А теперь она яростная сторонница никотиновых пластырей, – сказал БР. – К чему ты клонишь?

– Ты ходишь в кино, БР?

– У меня нет времени на кино.

– Ну еще бы, с твоим-то графиком. А клоню я к тому, что теперь если в фильме кто и курит, так это психопат-полицейский, обуянный жаждой смерти, да и тот под конец бросает, потому что усыновленный им шестилетний сирота объясняет новому папочке, какая это вредная привычка. Время от времени можно увидеть с сигаретой и классных, сексуальных ребят, как в том сериале, в «Твин Пикс», но это редкость. Тенденция далеко не господствующая. И непременно в фильме для, – Ник пальцами начертил в воздухе кавычки, – «эстетов». Девять курильщиков из десяти – люди с отклонениями, неудачники, чокнутые, заключенные и плохо постриженные извращенцы. То есть Голливуд втолковывает нам, что курение равносильно распущенности. А ведь люди заимствуют свои ролевые модели именно из фильмов. Так что...

– Так что?

– Не предпринять ли нам что-нибудь в этом направлении?

– Например? – спросил БР.

– Заставить режиссеров вернуть сигареты в руки актеров. Сколько мы тратим в год на рекламу – два с половиной миллиарда? На эти деньги можно весь Голливуд кормить бесплатными завтраками.

БР откинулся в кресле и скептически обзрел Ника. Потом вздохнул. Протяжно и томно.

– Это все, Ник?

– Да, – сказал Ник. – Это все.

– Скажу тебе честно. Ты меня не поразил. Я надеялся, тебе удастся сбить меня с ног, ради твоего же блага. Но, – БР снова нарочито вздохнул, – я, как видишь, стою на своих двоих.

Вообще-то, он сидел. Зато Ник чувствовал себя поверженным в прах. Жаль. Он считал, что в идее насчет Голливуда таятся неплохие возможности.

БР сказал:

– Мне кажется, нам стоит еще раз подумать, то ли место ты у нас занимаешь.

Стало быть, вот она, рука, пишущая на стене большими мерцающими неоновыми буквами: «Ты уже в прошлом, дружок».

– Понятно, – сказал Ник. – Прикажешь очистить кабинет к обеденному перерыву или у меня есть время до пяти?

– Нет-нет, – сказал БР. – На сегодня оставим все как есть. Тебе еще нужно будет ввести Дженнет в курс дела. Так что давай двигайся, ты ведь нынче у Опри выступаешь.

«Не поблагодарить ли БР за такое его великодушие?» – подумал Ник.

– Да, – сказал БР, – если представится случай, объяви, что мы решили потратить пятьсот тысяч на кампанию против курения подростков.

– Пятьсот... тысяч?

– Я думал, тебе это понравится, – злорадно ощерился БР. – Это ведь твоя идея. Думаешь, в Уинстон-Сейлеме[18 - Уинстон-Сейлем – город в Северной Каролине, центр табачной промышленности и торговли.] она вызвала такой уж восторг? Капитан вообще отозвался о ней как об «экономическом самоубийстве», но я сказал ему, что, по твоему мнению, нам следует немного потратиться, чтобы люди поняли, как мы заботимся о здоровье детей.

– Пятьсот тысяч ни на кого впечатления не произведут. Что ты на них купишь – пару плакатов для подземки?

– Главное, чтобы идея была хороша. – БР улыбнулся. – Поторопись, на самолет опоздаешь.

По пути в аэропорт Ник думал о том, не стоит ли ему застраховаться перед полетом – на случай, если БР уже лишил его всех пособий.

5

Времени Нику только и хватило что на быструю пробежку вдоль озера Мичиган.

Если ты – посланник смерти, тебе следует выглядеть как можно более цветущим. Одним из первых попавших под увольнение сотрудников Академии был Том Бейли. Бедный Том. Приятный был малый, даже не курил, и все шло хорошо, пока в один прекрасный день он не похвастался на этот счет журналистке, а та вставила его похвальбу в заголовок. Джи-Джи вызвал Тома на ковер, вручил ему пачку сигарет и объявил, что с сегодняшнего дня он курит. И Том начал курить. Вот только не стоило ему бросать при этом занятия в гимнастическом зале. Пару месяцев спустя Джи-Джи увидел его по Си-СПЭН –

шмыгающего носом, бледного, одрябшего, – и это стало для Тома началом конца. Так что Ник старался поддерживать форму: пробежки, штанга и время от времени салон искусственного загара, где он лежал внутри машины, похожей на агрегат для поджаривания великанских тостов с сыром.

– А ты хорошо смотришься, – сказала ему перед началом шоу веселая, разговорчивая Опра. – На телохранителя похож.

– Да уж куда мне до тебя.

Ник с удовольствием обнаружил, что Опра вновь набрала кое-какие из сброшенных ею семидесяти пяти фунтов. Пока в мире существуют женщины с избыточным весом, существует и надежда для табачной промышленности.

– Мы пытались пригласить Главного врача, но она заявила, что не станет разговаривать с торговцем смертью. – Опра хохотнула. – Это она тебя так назвала. Торговец смертью.

– Такова жизнь, – улыбнулся Ник.

– При ее произношении я не понимаю и половины того, что она говорит. – Опра взглянула Нику прямо в глаза. – А скажи, почему ты этим занимаешься? Молодой, симпатичный, белый. Слушай, а ты... где-то я тебя видела.

– Я часто появляюсь на кабельном.

– Так почему же ты этим занимаешься?

– Испытание сил, – сказал Ник. – Самая трудная работа, какую мне удалось найти.

Похоже, на это она не купилась. Лучше иметь ее на своей стороне, хотя бы до начала шоу.

– Тебе это действительно интересно?

– Да.

Ник прошептал:

– Я пытаюсь сдержать демографический взрыв.

Опра состроила гримаску:

– Какой ты испорченный. Ты бы сказал это во время шоу. – И она оставила его на попечение гримерши.

Ник изучил список участников шоу, и это не прибавило ему бодрости. С пятницы в списке произошли кое-какие изменения.

В нем значились: глава «Матерей против курения» – роскошно, «специалист по рекламе» из Нью-Йорка, руководитель Национальной ассоциации учителей, один из заместителей Крейгхеда в Отделе по предотвращению злоупотреблений дурманящими веществами. Нику уже надоело препираться с заместителями. Интересно, какое такое важное дело нашлось нынче у Крейгхеда – более важное, чем попытка оскальпировать главного общественного представителя табачной индустрии? Раздача денег налогоплательщиков своим лизоблюдам, которым так не терпится облагодетельствовать человечество? Сидевшие в креслах гримерной участники шоу почти не разговаривали друг с другом.

Скоро их отвели в студию, чтобы настроить микрофоны. В соседнем с Никовым кресле обнаружился гость не вполне понятный – совершенно лысый подросток. Это еще кто такой?

– Привет, – сказал Ник.

– Привет, – вполне дружелюбно ответил подросток.

Так, интересно было бы узнать, для чего приглашен именно на это шоу лысый подросток, не просто лысый – безбровый? Звукооператор в здоровенных наушниках громко крикнул: «Одна минута!» Ник поманил к себе режиссера, и тот, подбежав, сообщил ему, что в уборную он уже не успеет. Новичков нередко поражает в последнюю минуту нервное расстройство мочевого пузыря, и в итоге им приходится отсиживать целый час в мокрых подштанниках.

– Я э-э... – сказал Ник. – Я в порядке.

И прошептал:

– Кто этот мальчишка?

– Робин Уиллиджер, – прошептал в ответ режиссер.

– Что он здесь делает?

– У него рак.

– Скажите Опре, что мне нужно поговорить с ней. Сию же минуту.

– Слишком поздно.

Нащупав зажим нагрудного микрофона, Ник отцепил его от своего галстука, оранжевого, с жирафами.

– Тогда ей придется обойтись без меня.

Режиссера смело. Подошла, торопливо перебирая ножками, Опра, симпатичный бюст ее подпрыгивал под синим шелком.

– В чем дело?

– Я не люблю сюрпризов, – сказал Ник.

– Его поставили на замену в последний момент.

– На замену кого? Анны Франк? Ладно, пусть заодно и меня заменит.

– Ник, – прошипела Опра, – ты же знаешь, без тебя шоу не состоится.

– Знаю.

– Пятнадцать секунд, – крикнул звукооператор.

– Что мне, по-твоему, делать? Дать ему пинка под зад?

– Это твоя проблема.

Ничего она делать не стала. Инстинкт говорил Нику, что пора уносить ноги. И побыстрее! Но перед ним стояла Опра, черная женщина, приказавшая ему сидеть, где сидит, и закончить наконец ужин, и Ник не мог сдвинуться с места.

Она покрутила в воздухе беспроводным ручным микрофоном и, повернувшись к камере со вспыхнувшей красной лампочкой, просияла всеми своими жемчужными зубками.

Вставай! Улепетывай!

Поздно. Мы в эфире. Может быть, удастся улизнуть как-нибудь неприметно?

Заголовок: «Сигаретный рекламщик удирает от больного раком ребенка».

А в довершение унижения он зацепит ногой электрический кабель и завалит софит. И грохнется, ослепленный, на пол студии, а аудитория будет гоготать. Вся Америка покатится со смеху, все домашние хозяйки станут, улюлюкая, тыкать в него пальцем. Только БР смеяться не будет.

И Раковый Ребенок тоже. Нет, он не засмеется, на устах его заиграет лишь тончайшая улыбка торжества, смешанного с печалью, порожденной его глубоко личной трагедией. Ник чувствовал, как у корней волос выступают горячие капельки пота, шарики расплавленной лавы, которым ничто не мешает скатиться к бровям по гладкому загорелому лбу. И разве не прекрасно смотрится на телеэкране человек, вытирающий потный лоб, сидя рядом с умирающим школьником, удостоенным национальной стипендии за заслуги, – он наверняка ее получил, еще бы, и наверняка он председатель школьного совета и дискуссионного общества, а в свободное время, когда у него нет занятий с детишками из трущоб, он руководит благотворительной столовой. Единственный его недостаток состоит в том, что он как-то выкурил одну сигарету – да-да, только одну, не больше, всего одну, разве это не доказывает, что никотин

смертельно опасен в любых, даже самых крохотных дозах? – так ведь и ту мальчику навязали, одолев лучшие стороны его натуры, табачные компании, эти... долбаные... верблюды с фаллическими носами, играющие на саксофонах, – вот этот самый Ник Нейлор, старший вице-президент Академии табачных исследований, торговец смертью.

А он и шелохнуться не может. Опра приклеила его к креслу. Обвела его вокруг пальца, злоехидная сучка!

В такие мгновения – ему уже случалось подходить к краю пропасти, правда, не так близко, как сейчас, – Ник воображал себя пилотом авиалайнера. Пилоты ведь всегда сохраняют спокойствие, даже когда все восемь двигателей горят, шасси заело и арабского обличия пассажир, место 17Б, уже выдернул чеку из гранаты.

Ник набрал полную грудь воздуха и выпустил его – медленно, медленно, медленно. Вот так. Дыхательное упражнение. Курсы по методике Ламаза[19 - Методика физической и психологической подготовки будущих матерей к родам без обезболивания.]. Но сердце все равно продолжало ухать и бухать в груди. Интересно, микрофон это буханье улавливает? Как мило, если гулкий стук его сердца транслируется сейчас во все гостинные страны!

Может, стоит как-то выказать Раковому Ребенку сочувствие? Нужна начальная фраза. Ага, вот: «Ну так сколько ты еще протянешь, паренек?»

Опра уже произносила вступительный текст:

– В прошлом году фирма «Ар-Джей-Ар Набиско», производящая сигареты «Кэмел», развернула новую рекламную кампанию стоимостью в семьдесят пять миллионов долларов. Звездой ее стал Старина Джо, верблюд. Но это не обычное жвачное четвероногое. – На экране замелькали изображения Старины Джо: играющего на саксофоне, играющего на контрабасе, слоняющегося по пляжу, разглядывающего девушек, невозмутимого, с погасшей сигаретой, свисающей с его губы (или с крайней плоти – зависит от того, насколько у вас развито фаллическое воображение). – Он стал очень популярным, особенно среди детей. Согласно недавнему опросу, около девяноста процентов шестилетних детей – шестилетних! – не только знакомы со Стариной Джо, но и знают, за что он ратует. Этот верблюд приобрел популярность не меньшую, чем Микки-Маус.

До того как Старина Джо начал появляться на рекламных щитах и страницах множества журналов, доля «Кэмела» в противозаконной продаже сигарет детям составляла меньше одного процента. Сейчас это... тридцать два процента – тридцать два и восемь десятых, если назвать точную цифру. Что равноценно годовой прибыли в четыреста семьдесят шесть миллионов.

Главный врач Соединенных Штатов призвала «Ар-Джей-Ар» свернуть эту рекламную кампанию. Даже «Век рекламы», ведущий журнал рекламной индустрии, выступил против пропаганды Старины Джо. Однако кампания продолжается.

Затем, в прошлую пятницу, Главный врач призвала к полному запрету рекламы сигарет. В журналах, на рекламных щитах – повсюду. Затея весьма спорная. Слишком большие деньги стоят на кону.

Я хочу представить вам Сью Маклин, возглавляющую национальную организацию «Матери против курения». Сью приступила к созданию НОМПК после того, как ее дочь заснула с сигаретой в постели и сожгла дотла общежитие своего колледжа. По счастью, никто не пострадал. Сью сказала мне, что после этого дочь курить бросила.

Смех в студии. Одобрительный.

– Дочь Сью уже сама стала матерью и очень активной сотрудницей НОМПК.

Аудитория радостно воркует.

Ник, ощущая, как перегреваются его межнейронные контакты, пытался соорудить на лице подходящее к случаю выражение, нечто среднее между тем, с каким стоишь на остановке, поджидая сильно запоздавший автобус, и тем, которое возникает, когда тебя головой вниз опускают в резервуар, кишасший электрическими угрями.

– Фрэнсис Дживерсон, исполнительный директор Национальной ассоциации учителей в Вашингтоне. Она отвечает за посвященные проблемам здоровья публикации НАУ, из которых преподаватели узнают, как лучше внушать своим ученикам мысль о вреде курения.

Рон Гуди, заместитель директора Отдела по предотвращению злоупотреблений дурманящими веществами Министерства здравоохранения и социальных служб, Вашингтон, округ Колумбия. ОПЗДВ является командным центром войны против сигарет, ведущейся в масштабе всей страны, то есть выходит, что вы, Рон, кто – полковник?

– Простой пехотинец, Опра.

«Где это он набрался такой скромности?» – подивился Ник. Гуди был одним из самых напыщенных и самодовольных засранцев во всем федеральном правительстве.

Опра улыбнулась. По публике, сидящей в студии, прокатился невнятный, но теплый шепоток. Знаете, какая у него власть? А посмотрите, какой он скромный!

Опра повернулась к Раковому Ребенку:

– Робин Уиллиджер, старшеклассник из города Расин, штат Висконсин. Он увлекается историей и состоит в школьной команде пловцов.

Душа Ника мгновенно воспряла. Возможно, ему все приснилось. Возможно, у мальчика нет никакого рака. Разве пловцы не бреют голову для повышения скорости? А у которых не все дома, те сбрасывают и брови.

– Он намеревался продолжить образование в университете. Но тут случилось несчастье. Недавно у Робина обнаружили рак, причем рак, плохо поддающийся лечению. Сейчас он проходит курс химиотерапии. Мы желаем ему удачи – всей, какая только есть на свете.

Аудитория взрывается аплодисментами. Ник несмело присоединяется к ним.

– Причина, по которой мы пригласили его на наше шоу, состоит в том, что Робин, когда ему было пятнадцать, начал курить сигареты «Кэмел». Начал потому, что, по его словам, ему хотелось быть, я цитирую, клевым, как Старина Джо. Он также сказал мне, что, узнав о своей болезни, курить бросил. И больше не считает, что курение, я снова цитирую, – это клево.

Громовые аплодисменты.

Все, что требовалось сейчас Нику, – это ампула с цианистым калием. Но Опра уже повернулась к нему:

– Ник Нейлор, вице-президент Академии табачных исследований. Услышав такое название, можно подумать, будто речь идет о каком-то научном институте. На самом деле это главное лобби табачной индустрии в Вашингтоне, а мистер Нейлор – его, так сказать, общественное лицо. Спасибо, что пришли к нам, мистер Нейлор.

– Всегда рад, – прокаркал Ник, хоть чувства, им испытываемые, и рядом с радостью не лежали. Аудитория с ненавистью ела его глазами. Вот, стало быть, что ощущали нацисты в день открытия Нюрнбергского процесса. Только Ник не может прибегнуть к избранной ими линии защиты. Не может с серьезным видом заявить, что фюрер ни в какую Польшу отродясь не вторгнулся. «Где фаши данные?»

– Кто хочет начать? – спросила Опра.

Ник поднял руку. Опра и прочие участники шоу недоуменно воззрились на него.

– Никто не будет возражать, – спросил он, – если я закурю?

Аудитория ахнула. Опешила даже Опра.

– Вы хотите закурить?

– А разве не существует традиции, по которой командир расстрельной команды предлагает приговоренному последнюю сигарету?

На несколько секунд в студии повисло ошеломленное молчание, потом кто-то из публики засмеялся. К нему присоединились еще несколько человек. Скоро хохотали уже все.

– Простите, но, по-моему, это не смешно, – сказала миссис Маклин.

– И по-моему тоже, – подхватила дама из Национальной ассоциации учителей. – По-моему, это шутка в чрезвычайно дурном вкусе.

– Вынужден с вами согласиться, – сказал Гуди. – Я не вижу тут ничего веселого. И полагаю, мистер Уиллиджер тоже не видит.

Но Раковый Ребенок смеялся. Благослови его Боже, он смеялся! Ника захлестнула волна теплых чувств. Ему захотелось усыновить этого мальчика, забрать его в Вашингтон, вылечить от рака, найти ему высокооплачиваемую работу, подарить машину – роскошную машину, – построить дом с бассейном, таким большим, чтобы он смог продолжить занятия плаванием. А еще Ник купил бы ему парик и устроил трансплантацию бровей. Какая все-таки гадость этот рак! Может быть, облучение...

Забудь про мальчишку! Он уже в прошлом! В атаку! В атаку!

– Почему бы вам не оставить его в покое, – Ник резко развернулся к Гуди, – и не указывать, что он обязан чувствовать?

Теперь к Опре:

– С вашего разрешения, Опра, это типичная позиция федерального правительства. «Мы знаем, что вы должны чувствовать». Именно она подарила нам сухой закон, Вьетнам и пятьдесят лет жизни на грани ядерного уничтожения.

Ну и дальше что? И при чем тут ядерное устрашение? Не важно! В атаку!

– Если мистеру Гуди угодно набирать дешевые очки, используя страдания этого молодого человека для увеличения своего бюджета, что позволит ему указывать еще большему числу людей, как им следует поступать и что чувствовать, то, должен вам сказать, мне это представляется печальным, очень и очень печальным. Но вот то, что член федерального правительства явился на это шоу и читает нам лекции насчет рака, между тем как то же самое правительство почти пятьдесят лет производит атомные бомбы, двадцать пять тысяч бомб, если быть точным, мистер Статистик, бомб, способных наградить каждое живое существо на планете, мужчин, женщин, детей, раком настолько страшным, настолько кошмарным, настолько... настолько неизлечимым, что медицина даже

названия для него еще не придумала... вот это... – быстро к сути! А в чем суть? – это не заслуживает даже презрения. И честно говоря, Опра, мне хотелось бы узнать, каким образом человек вроде... вот этого получает в федеральной бюрократии пост, дающий ему такую власть. Впрочем, я и сам это знаю – ему не приходится избираться на свой пост. Нет-нет. На него демократия не распространяется. Он выше ее. Выборы? Согласие управляемых? Пфа! Тех самых людей, которые платят ему жалованье? Обойдутся. Это не для Рона Гуди. Все, что ему требуется, – так это наживаться на людях, подобных бедному Робину Уиллиджеру. Ну так позвольте мне кое-что сообщить и вам, Опра, и тем достойным, сознательным людям, которые нас сегодня смотрят. Это не очень приятно, но и вам и им стоит это услышать. Роны Гуди нашего мира хотят, чтобы Робины Уиллиджеры умирали. Ужасно, но правда. Мне очень жаль, но таков факт. И знаете почему? Я вам скажу. Потому что от этого растут их, – и Ник выплюнул тошнотворное слово, – бюджеты. Это не что иное, как торговля человеческим горем, и вам, сэр, следовало бы стыдиться смотреть людям в глаза.

От этого удара Рон Гуди так и не оправился. В течение следующего часа он только и мог, что визжать в сторону Ника, нарушая все маклахановские наставления насчет бессмысленности попыток раззадорить слушателя, который полностью к тебе равнодушен. Даже Опре с трудом удавалось его успокаивать.

Ник же, соорудив на лице выражение безмятежной правоты, только кивал или качал головой, более в грусти, чем в гневе, как бы говоря, что эти вспышки лишь подтверждают все им сказанное. «Все это хорошо и прекрасно, Рон, но вы не ответили на мой вопрос», или «Ну бросьте, Рон, зачем притворяться, будто вы меня не слышите?», или «А как насчет людей, облученных при ядерных испытаниях в штате Нью-Мексико? Об их раковых заболеваниях вы поговорить не хотите?».

Во время одной из рекламных пауз звукооператору пришлось держать Рона Гуди за руки.

Глава НОМПК и представительница учительской ассоциации пытались, сколько могли, помочь своему правительственному благодетелю, но всякий раз, как они отваживались вставить хоть слово, Ник обрывал их фразой: «Послушайте, мы же с вами на одной стороне», поражавшей их настолько, что они теряли дар речи. Когда они наконец осмелились оспорить ее, заявив, что не видят ни единого квадратного дюйма той почвы, на которой могут бок о бок утвердиться

человеколюбие и злодейские ухищрения табачников, Ник понял, что получил шанс, за который можно зацепиться. Никто, сказал он, не озабочен проблемой курения подростков в большей мере, нежели табачные компании. Дело, разумеется, не в том, что существуют хотя бы ничтожные научные доказательства связи между курением и болезнями, просто эти компании, сознавая свою ответственность перед обществом, никак не могут мириться с распространением курения среди подростков – а равно и с вождением автомобиля в пьяном виде, – и по одной простой причине: и то и другое противозаконно. Лучшего момента для объявления нового крестового похода против курения подростков и придумать было нельзя.

– Собственно говоря, мы со дня на день приступим к осуществлению новой, стоящей пять миллионов долларов программы, задача которой – отвратить детей от курения, – сказал Ник. – То есть можете считать, что наши деньги мы на стол выложили.

6

Еще получая в студийной артистической свой кейс, Ник услышал, как в нем настырно свирит сотовый телефон, но решил не обращать внимания. Он продолжал игнорировать телефон и по дороге в аэропорт. В конце концов водитель наполовину удивленно, наполовину сердито спросил, не собирается ли Ник все-таки ответить на звонок. Но Ник, не без удовлетворения сознавая, что звонит ему раздираемый невыносимыми чувствами БР, не спешил брать трубку.

Он сделал это лишь в зале ожидания аэропорта О'Хэйр, да и то скорее потому, что на него стали поглядывать окружающие, чем из потребности услышать горестные излияния БР.

– Пять миллионов долларов? – Разумеется, это был БР. По прикидкам Ника, давление у него должно было доехать до ста восьмидесяти на сто двадцать. – Ты спятил?

– Все может быть. Последние несколько дней выдались тяжелыми. Но сейчас мне значительно лучше.

– Откуда, во имя Божие, мы возьмем пять миллионов на кампанию, направленную против курения?

– Если вдуматься, это не так уж и много. «Ар-Джей-Ар» тратит семьдесят пять миллионов в год на своих идиотских верблюдов с херовыми носами. А мы к тому же еще и хорошую прессу получим.

БР пенился, грозил судебным преследованием, публикацией статей, в которых будет сказано, что у Ника произошел нервный срыв, и так далее. И все никак не мог остановиться. Слушать его было одно удовольствие. Потом Ник услышал, как БР сказал в сторону: «Кто? О господи». И следом Нику: «Капитан на второй линии».

– Кланяйся ему от меня.

– Не отключайся.

Ник не стал отключаться – не потому, что его попросил БР, а из желания узнать, как отреагировал могущественнейший из боссов табачной индустрии на новость о том, что много о себе возомнивший исполнительный вице-президент только что вынудил эту индустрию потратить более чем приличные деньги на отпугивание потенциальных потребителей.

Он прождал минут десять. Объявили его рейс, но на летное поле Ника с включенным сотовым телефоном не пустили. Наконец БР вновь подсоединился к линии Ника. Голос его изменился, теперь это был не рев, а шипение ледяной воды, процеживаемой сквозь стиснутые зубы.

– Он хочет тебя видеть.

– Меня? – спросил Ник. – Зачем?

– Откуда мне, черт возьми, знать? – ответил БР и швырнул трубку.

Прямых рейсов из Чикаго в Уинстон-Сейлем не существовало, пришлось лететь в Роли. В самолете рядом с Ником сидела женщина лет за пятьдесят, грузная, с

волосами такого цвета, какого не сыщешь в природе, и не отрываясь смотрела, как он механически читает завалявшуюся в прихваченной с собой папке с вырезками статью из «Сайенс», озаглавленную «Научные стандарты в эпидемиологических исследованиях факторов, составляющих угрозу повседневной жизни».

– А я вас знаю, – наконец сказала она обвиняющим тоном, будто это Ник был повинен в том, что ей никак не удастся вспомнить, кто он такой.

– Правда?

– Ага. Вы по телевизору выступали.

Ник услышал скрип сиденья за своей спиной. «Да неужели? Так среди нас знаменитость?» – «Кто это?» – «Я его где-то видел». – «Это этот, как его, из „Самых смешных видеофильмов Америки“». – «С чего бы его в Роли-то понесло? И вообще, он бы первым классом летел». – «А я тебе говорю...»

Ник вечно влипал в такие истории.

– Вы правы, – негромко сказал он женщине.

– Я так и знала! – Она шлепнула себя по колену свернутым в трубку журналом. – Шоу «Мужики»!

– Совершенно верно.

– Ну! Вы, наверное, здорово огорчились, когда она сказала, что вы целуетесь, как рыба.

– Еще бы, – сказал Ник. – Разве приятно такое услышать?

Проникшись жалостью к Нику, женщина поделилась с ним собственными сердечными горестями, в частности связанными со вторым ее браком, который, похоже, разваливался. Ник всегда с трудом выпутывался из таких положений. После часа сочувственного внимания ее рассказу шейные мышцы Ника завязались от напряжения в стальные узлы. Придется по возвращении заглянуть

к доктору Виту. Он поймал себя на мысли о том, что вот бы сейчас сюда террориста. На его счастье, пилот объявил, что они входят в «обширный грозовой фронт», и в салоне поднялась суматоха, заставившая женщину забыть о душевных ранах и впиться ногтями в левую руку Ника, оставив на ней глубокие метки. Когда он добрался до отеля, день, оказавшийся необычайно длинным, подходил к концу, и сил Ника хватило только на то, чтобы выдуть две банки пива да слопать долларов на четыреста орешков и крендельков, найденных им в холодильнике своего номера.

Утром ему принесли завтрак и местную газету, «Уинстон-Сейлем таринтеллидженсер». Развернув ее, он с удивлением обнаружил в самом верху первой полосы свою фотографию, цветную. Заголовок гласил:

ОТВЕТНЫЙ УДАР:

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТАБАЧНЫХ КОМПАНИЙ

ОТЧИТЫВАЕТ ЧИНОВНИКА

ОТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

ЗА МАНИПУЛИРОВАНИЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИЕЙ

Статья расхваливала его за «отвагу» и «готовность встать на борьбу с ханжеством». Корреспонденту удалось даже заручиться благосклонным замечанием Робина Уиллиджера, в котором тот снял с Ника какую бы то ни было вину за его, Робина, заболевание, добавив, что людям самим следует более ответственно относиться к своей жизни.

Зазвонил телефон, деловитый женский голос произнес:

– Мистер Нейлор? Поговорите, пожалуйста, с мистером Доуком Бойкином.

Капитан. Ник сел в кровати. Но откуда они узнали, где он остановился? В Уинстон-Сейлеме отелей немало. Он ждал. Наконец из трубки послышался

высокий голос:

– Мистер Нейлор?

– Да, сэр, – неуверенно сказал Ник.

– Э-э, я просто хотел лично поблагодарить вас.

– Вот как?

– Я думал, этого деятеля из министерства прямо на национальном телевидении хватит инфаркт. Великолепно проделано, сэр, великолепно. Вы ведь, насколько я понимаю, в городе?

Вот он, признак истинной власти, – человек даже не знает, куда звонит.

– Вы еще не завтракали? Не хотите ко мне присоединиться? В клубе сносно готовят. В полдень вам удобно? Превосходно.

Капитан произнес это таким тоном, словно Ник, которого он в любую минуту мог слопать и не подавиться, только что наделил смыслом всю его дальнейшую жизнь. Они проиграли войну за рабовладение, эти южане, и все же какие они учтивые!

Покидая отель, Ник купил в вестибюле номер «Ю-Эс-Эй тудей». Нужная статья отыскалась в разделе «Финансы», тоже на первой полосе и тоже вверху:

ТАБАЧНЫЕ КОМПАНИИ

ПЛАНИРУЮТ ПОТРАТИТЬ

5 МИЛЛИОНОВ

НА КАМПАНИЮ ПРОТИВ КУРЕНИЯ,

ГОВОРIT ИХ ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Ник начал читать. БР вертелo в классическом водовороте «ничего не отрицаю, ничего не утверждаю». Необходимо еще проработать множество деталей, однако да, Академию всегда «в первую очередь» заботили курящие подростки, так что она готова израсходовать «значительные суммы» на широкую общественную кампанию. Как же, как же. Цитировалась и Дженнет, сообщившая, что мистер Нейлор, столь прекрасно выступивший на шоу Опри Уинфри, покамест недостижим: «Мы не знаем точно, где он находится в настоящее время». Создавалось впечатление, что он пьет горькую в каком-нибудь кабаке.

Подъезжая к Табачному клубу, Ник припоминал то небольшое, что знал о Доуке Бойкине. Доук – уверяли, будто он заменил этим именем более плебейское Доки, – Бойкин был одним из последних великих людей в табачном деле, своего рода легендой. Самостоятельно пробившийся с самого низу, он начал с ничего и добился всего. Кроме сына. У него было семь дочерей: Энди, Томми, Бобби, Крис, Донни, Скотти и Дейв, – на последнюю бремя неосуществившейся отцовской мечты о сыне легло особенно тяжело. Именно Доук Бойкин, после того как в «Ридерс дайджест» появились первые статьи с заголовками наподобие «Рак в картонной упаковке», додумался до сигаретных фильтров и сам воплотил эту идею в жизнь. (В частности, ему принадлежала блестящая мысль об асбестовых фильтрах, благодаря которой юристы «Смута и Хокинга» проводили ныне в судах тысячи хорошо оплачиваемых часов, отбиваясь от исков по возмещению ущерба, причиненного здоровью.) Когда число статей этого рода стало неуклонно возрастать и индустрия уяснила, что ей необходимо постоянное представительство в Вашингтоне, он же основал Академию табачных исследований, дабы та, как говорилось в ее уставе, служила «центром анализа и синтеза научной информации, беспристрастным и неизменно честным посредником между табачными компаниями и надеждами и чаяниями народа Америки».

В последнее время большую озабоченность вызывало здоровье Капитана. Слухи ходили самые разные. При посещении «Рощи богемы»[20 - «Роща богемы» – место летнего отдыха членов Клуба богемы, объединяющего людей, интересующихся изобразительным искусством, музыкой и театром.], что в Калифорнии, у него стало плохо с сердцем. Его отвезли в ближайшую больницу в Санта-Розу, а там сразу поместили в хирургическое отделение. Молодой ординатор-кардиолог, узнав, кто его пациент, сказал, везя туго соображавшего Капитана в операционную, что доктора прозвали ее Страной Мальборо, потому что именно в ней обычно оперируют больных раком легких. Капитан, решив, что

попал в лапы убийцы, отчаянно пытался привлечь чье-нибудь еще внимание, однако капельница с валиумом уже лишила его способности к связному выражению мыслей, и ему оставалось лишь беспомощно и немо дергаться, пока его ввозили в блистающую сталью пустыню Страны Мальборо. Настроение его далеко не улучшилось, когда он, очнувшись после операции, узнал, что вместо предполагаемых двух шунтов пришлось наложить четыре, а обычный в таких случаях износ митрального клапана потребовал замены его свиным. Рассказывали, что больницу Капитан покинул насмерть перепуганным и тут же распорядился, чтобы в случае каких-либо новых осложнений со здоровьем его немедленно доставили вертолетом в Уинстон-Сейлем, в построенный исключительно на табачные деньги Медицинский центр Боумана-Грея. Там он, по крайней мере, будет избавлен от дальнейшего вредительства со стороны поколения, выросшего на телесериале «Санта Черт-те-где».

Ник приехал в Табачный клуб за полчаса до назначенного времени. Это было массивное здание в псевдогреческом стиле, выстроенное в 90-х годах прошлого века табачными баронами, нуждавшимися в убежище от своих жен. Ника провели в небольшую, превосходно обставленную комнату для гостей. По стенам ее висели забранные в дорогие рамки подлинники картинок, красовавшихся некогда на пачках давно уже обратившихся в дым сигарет. Здесь были «Крокодил», «Ярко-красные», «Герцог Дарем», «Красный Кэмел», «Мекка», «Оазис», «Мурад» – сладкая месть старому головорезу, – «Янки-герл», «Шомпол» («Мягко, как летний ветерок!»), «Банка печенья» («Медовые, современные, мягкие!»), «Сладкая махорка», «Собачья голова», «Мозолистка» («Настоящий эвкалиптовый дымок»). История, и какая!

Ник сидел в тяжелом кожаном кресле, курил и слушал тиканье гигантских дедовских часов.

Ровно за минуту до полудня стеклянная дверь отворилась, пропустив человека явно значительного, поскольку появление его вызвало волну поклонов и всяческую суету. Подтянутый, элегантный мужчина под семьдесят с усами Дэвида Нивена и волнистыми белыми волосами, наводившими на мысль о кратком, давно завершенном романе с богемой. Невысокий, но с осанкой столь прямой, что она, казалось, добавляла ему несколько дюймов роста. На нем был великолепного покроя двубортный костюм из легкой темно-синей в тонкую светлую полоску ткани, сидевший так, точно его шили в Лондоне, у «Хантсмана» или у «Гивза и Хокса», в общем, в одном из тех заведений, куда вас и на порог не пустят без рекомендаций трех герцогов и одного виконта. На отвороте пиджака

Ник заметил яркую розетку военного ордена. Человек этот излучал властность. Клубные лакеи устремились к нему, торопясь принять шляпу и трость с серебряным наконечником – уж не таится ли в ней клинок? – с такой озабоченностью, точно оба эти предмета были непосильной ношей. Еще один лакей с черной щеточкой в руке возник прямо из воздуха и тут же принялся нежно смахивать пыль с плеч его пиджака. Освобожденный и от ноши, и от пыли, джентльмен глянул в сторону комнаты для гостей, лакей склонился к нему, пошептал что-то на ухо и указал на Ника.

Джентльмен развернулся и направился к Нику, протягивая руку и улыбаясь.

– Мистер Нейлор, – сказал он, всем своим видом выказывая удовольствие и понимание важности момента. – Я Доук Бойкин, и я чрезвычайно рад знакомству с вами.

Перед лицом такого величия Нику только и удалось, что промямлить:

– Здравствуйте, мистер Бойкин.

– Прошу вас, – сказал старик, – зовите меня Капитаном.

И, взявши Ника под локоток, провел его к столику в углу.

– Точность, – улыбнулся он, – вежливость королей. Не многие из северян понимают это.

Один из слуг отодвинул кресло Капитана, другой снял со стола стоявший перед креслом конус белой крахмальной салфетки и, одним грациозным взмахом развернув ее, накрыл колени Капитана.

– Взбодриться не желаете?

Впрочем, ответа Ника Капитан ждать не стал. Официанту также ничего сказано не было, тот просто кивнул, и через миг явился еще один, с подносом, на котором стояли две серебряные чашечки, покрытые каплями морозного пота, ибо их доверху наполнял колотый лед с веточками свежей мяты.

– Отличное пойло! – сказал Капитан. Он отхлебнул, закрыл глаза и выдохнул негромкое «ах». – Вам известен секрет действительно хорошего джулепа? Надо пальцами вдавить мяту в лед и растереть. Высвобождает ментол. – Капитан негромко хмыкнул. – Знаете, кто меня этому научил?

Ник не знал, но предполагал, что то был некий потомок Роберта Э. Ли[21 - Роберт Эдвард Ли (1807-1870) – генерал, во время Гражданской войны командовавший войсками южан.].

– Фердинанд Маркос, президент Филиппин.

Ник подождал развития этой темы, но его не последовало. Еще одна прерогатива человека по-настоящему богатого.

– В каком году вы родились, мистер Нейлор?

Не сказать ли ему: «Зовите меня Ником»?

– В пятьдесят втором, сэр.

Капитан улыбнулся и покачал головой:

– Господь милостивый, в пятьдесят втором! – Он еще отхлебнул джулепа и разгрыз кусочек льда, показав при этом зубы, очень белые. – В пятьдесят втором я торчал в Корее, отстреливая китайцев.

– Да что вы? – сказал Ник, не сумевший придумать ничего другого.

– А нынче китайцы – лучшие наши покупатели. Вот вам двадцатый век.

– В Китае курят семьдесят процентов взрослых мужчин, – заметил Ник.

– Верно, – кивнул Капитан. – В следующий раз нам не придется отстреливать их в таких количествах, не так ли?

И он, усмехнувшись, откинулся на спинку кресла.

– Еще по одной?

Появился новый поднос с джулепом. Каков, собственно говоря, протокол? Следует ли Нику первым осушить свою чашечку? Он так и сделал, просыпав немного льда на колени.

– Пятьдесят второй был для нашего бизнеса годом очень серьезным, – продолжал Капитан. – Помните, что сказал мистер Черчилль? – И Капитан раскатисто произнес голосом Черчилля: – «Это не конец и даже не начало конца. Но я верю, что это может стать концом начала». Как раз в том году «Ридерс дайджест» опубликовал статью о некоторых сторонах курения, связанных... со здоровьем.

Люди, стоящие у руля табачной индустрии, стараются не произносить определенных слов – слова «рак», например.

– Можно сказать, что это и было концом нашего начала.

Принесли еду – к большому облегчению Ника, голова которого слегка закружилась от сдобренного мятой бурбона. Капитан рассуждал о том, что может дать табачной индустрии новое руководство Кореи. Начав с холодных креветок со специями, они перешли затем к бифштексу из вырезки и печеным картофелинам с нашлепками сметаны на каждой. Капитан попросил официанта ни в коем случае не рассказывать миссис Бойкин, что он тут ест, иначе, зловеще предупредил Капитан, «она с нас обоих шкуру заживо сдерет». Богатые мужчины любят изображать преувеличенный страх перед женами. Им кажется, будто это делает их более человечными.

– Есть, Капитан! – ответил официант, довольный ролью, отведенной ему в заговоре молчания.

– Вы позволите? – спросил, когда опустели тарелки, Ник, вытягивая из кармана пачку сигарет.

– Конечно, большое спасибо. Я всегда так благодарен курящим представителям младшего поколения. – Вид у Капитана стал тоскующий. – Я бы присоединился к вам, но после моего недавнего... приключения миссис Бойкин стала весьма нетерпимой по этой части, так что мне приходится, ради мира в семье,

крепиться и воздерживаться. Пару дней назад старшая дочь спросила, что в мои года способно меня порадовать, и я ответил: «Возможность голосовать за республиканцев и не давать твоей матери повода меня пилить».

Принесли кофе. Другие члены клуба останавливались у стола, чтобы почтительно поприветствовать Капитана, и он учтиво представлял им Ника.

– Тот самый Ник Нейлор? – воскликнул один из них, стискивая ладонь Ника. – Страшно рад познакомиться с вами, сэр! Отличная работа, отличная!

Они кудхтали над Ником, точно над дитятей. Все это было очень приятно. Очень. Ник так и видел себя живущим в Уинстон-Сейлеме, завтракающим в клубе и уже не обязанным каждый божий день извиняться и оправдываться за свое существование. Как принято здесь говорить: «Табак сам о себе заботится». И это действительно так.

– Должен вам сказать, Ник, вы произвели прекрасное впечатление, – улыбаясь, произнес Капитан, когда удалился последний из поклонников. – Вы не против, если я перейду на «ты» и буду называть вас Ником? Как правило, я уменьшительными именами не пользуюсь, но в данном случае был бы не прочь. Вы немного напоминаете мне меня самого, каким я был в вашем возрасте.

– Разумеется, – в замешательстве откликнулся Ник, – пожалуйста.

– Ты ведь был прежде телерепортером?

Ник покраснел. Ну, тут уж никуда не денешься. Это войдет и в его некролог. «Тот самый Ник Нейлор, который, в бытность свою репортером Вашингтонского телевидения, объявил в живом эфире, будто президент, посещая военную базу, подавился куском мяса и умер, что привело на фондовой бирже к обвалу на сто восемьдесят пунктов и к убыткам, которые к тому времени, как Белый дом смог предъявить президента, живого и невредимого, достигли трех миллиардов долларов». Заветнейшая из надежд Ника состояла в том, что ему еще удастся совершить в жизни нечто, способное оттеснить эти сведения во второй абзац некролога.

– Это было очень давно, – сказал Ник.

Капитан поднял ладонь.

– Тебе не нужно ничего объяснять. На твоём месте я, вероятно, проделал бы то же самое. Представился шанс – бери его за рога. Джи-Джи пересказал мне эту историю во всех подробностях. Собственно, из-за нее он тебя и нанял. Отлично понимая, что делает.

– Вы полагаете?

– Еще бы! Какими бы там недостатками ни обладал Джи-Джи – а я сожалею, что мне пришлось отпустить его, – он был превосходным знатоком человеческой натуры. Он сказал мне: «Этот мальчик будет так рваться вперед, лишь бы оставить эту историю позади и сделать себе новое имя, что его собственная задница не догонит».

– Вместо «Человек, обошедшийся в три миллиарда».

– Он сказал и еще кое-что: «Из мальчика вырастет очень сердитый молодой человек». Я не сознавал, насколько ты сердит, пока не увидел тебя вчера в шоу этой цветной женщины, Опри. Сынок, ты был великолепен.

– Спасибо.

– Я тоже вернулся из Кореи сердитым. И знаете почему, мистер Нейлор?

– Нет, сэр.

– Потому что принял решение никогда – никогда больше – не попадать в подчинение к людям некомпетентным. Я начал с сигаретных гильз и уже через пять лет стал вице-президентом – самым молодым в истории табачной индустрии. Вот, сэр, что значит рассердиться по-настоящему. Выпьешь со мной бренди?

Вновь как бы ниоткуда появился серебряный поднос с напитками. Ну и клуб! Здешние официанты не набиваются тебе в знакомцы, представляясь по именам. Они как раз таковы, какими им следует быть: услужливые, расторопные и безмолвные.

– Скажи, Ник, тебе нравится твоя работа?

– Да, – ответил Ник. – Это хорошее испытание сил. Мы между собой говорим так: «Если ты справишься с табаком, то справишься и со всем остальным».

Капитан фыркнул в свой стаканчик.

– Знаешь, подвизающиеся в табачном деле мужчины твоего поколения – и женщины, вечно забываю добавлять «и женщины» – считают, что им приходится тяжелее, чем их предшественникам. Вам кажется, будто все началось в пятьдесят втором. Ну так ни фиги!

Ни фиги?

– Все это тянется лет почти уж пятьсот. Говорит тебе что-нибудь такое имя: Родриго де Херес?

Ник покачал головой.

– Нет, так я и думал. По-видимому, в школах теперь учат не истории, а только общему взгляду на нее. Так вот, сэр, к вашему сведению, Родриго де Херес сошел на берег вместе с Христофором Колумбом. И увидел туземцев, «впивающих дым», как он выразился, из трубок. Он привез табак в Старый Свет. Превозносил его там до самых расписных потолков. И чем он, по-твоему, кончил? Испанская инквизиция упекла его за это в тюрьму. Объявив курение «дьяволовым обыкновением». Думаешь, иметь дело с Федеральной комиссией по торговле – это такое уж горе? А понравилось бы тебе объясняться с испанской инквизицией?

– Ну...

– Готов поспорить, не понравилось бы. Запомни это имя, Родриго де Херес. Ты идешь по его стопам. Он был первым публичным защитником табака. Полагаю, он тоже считал это «хорошим испытанием сил».

– Э-э...

– А что говорит тебе имя Эдвин Прун?

– Прюн?

– Боже ты мой, а мы-то выбрасываем миллиарды долларов на муниципальные школы! Эдвин Прун жил в Массачусетской колонии в начале семнадцатого века, как раз когда пуританские священники надумали приколачивать к стенам самые первые в Новом Свете таблички «Курить воспрещается». Думаешь, вы первые, кому пришлось иметь дело с нарастающими, будто снежный ком, ограничениями и предписаниями? Так нет же, сэр, Эдвин Прун еще бог весть когда сражался в этой войне. Пуритане провели закон, воспрещающий курить в общественных местах, а под «общественным» местом они разумели такое, в котором находится больше одного человека. Пруна бросили за решетку. Когда же выяснилось, что он курит и за решеткой, ему надели на лицо железный клобук. Как по-твоему, Эдвин счел это «хорошим испытанием сил»?

«Пристегните ремни, – подумал Ник, – у вас впереди еще четыреста лет». Капитан, пересыпая свой доклад подробностями, напомнил ему, что Америка открыто воевала с «пагубной привычкой» в 1790-х, в 1850-х и в 1880-х. Он напомнил о словах Хораса Грили[22 - Хорас Грили (1811–1872) – журналист и политический деятель, основатель и главный редактор нью-йоркской газеты «Трибюн».] : «Сигара – это огонь с одного конца и дурак с другого», о том, что Томас Эдисон не брал курильщиков на работу, что уже в нашем столетии американцев – и не только женщин – самым натуральным образом арестовывали всего лишь за попытку закурить сигарету. Речь Капитана текла и текла, пока на лбу его не выступили, как на чашечке с джулепом, капли пота. В конце концов он умолк и промокнул лоб носовым платком.

– Прошу прощения. Похоже, после операции у меня появилась склонность... к неумеренным словоизлияниям. Кстати, постарайся никогда не болеть в Калифорнии. И уж во всяком случае, не доводи дело до операции. Они там ни аза в хирургии не смыслят. Со мной не приключилось ничего такого, с чем не справилась бы чайная ложка соды.

Поговорили о ханжестве и подлости политиканов Одиннадцатого региона. Почти все антитабачные постановления исходили из Одиннадцатого региона, то есть Калифорнии, этого рейха нацистов от здравоохранения. Какой можно ждать справедливости, если национальные стандарты здравоохранения определяет именно Калифорния?

– Известно ли тебе, кто такая Люси Пейдж Гастон? – поинтересовался Капитан, вперя в Ника вопрошающий взгляд.

Нет, Нику неизвестно, кто такая Люси Пейдж Гастон.

– В девяностых годах прошлого века она откололась от движения трезвенников и принялась искать новые души, которые могла бы спасти. Это по ее милости шестьсот чикагских табачных торговцев были арестованы за продажу сигарет несовершеннолетним. Она же учредила Антисигаретную лигу. В тринадцатом Люси вместе с каким-то врачом основала клинику, в которую они затаскивали с улицы мальчишек-газетчиков, смазывали несчастным гортань азотнокислым серебром и наказывали им впредь не курить, а уж если приспичит – жевать корень горечавки. Теперь у нас появились взамен эти чертовы пластыри! В девятнадцатом она обратилась с письмом к королеве Марии и президенту Хардингу, призывая их бросить курить. Какова нахалка! Объявила, что будет баллотироваться в президенты. В двадцать четвертом, возвращаясь с антисигаретного митинга в Чикаго, попала под трамвай. Выжила. Протянула еще восемь месяцев. Знаешь, от чего она умерла, Ник?

– Нет, сэр.

Капитан улыбнулся:

– От рака горла. Как по-твоему, что это доказывает, а, Ник? Что Бог все-таки существует.

Выйдя из клуба, Капитан объявил, что, раз уж нынче выдался такой чудный весенний денек, он был бы не прочь прогуляться. Пошли прогуливаться, при этом лимузин Капитана медленно ехал следом.

– А скажи-ка мне, – спросил Капитан, – что ты думаешь о БР?

Нику показалось, что тротуар под его ногами покрылся шкурками крупных бананов.

– БР, – ответил он, – БР... мой босс.

Капитан удивленно хмыкнул:

– А мне-то казалось, сынок, что это я твой босс.

Сынок?

– Впрочем, мне по душе лояльные люди. Я ценю лояльность. Лояльному человеку я готов простить практически все. – Они неторопливо шли бок о бок. Капитан остановился, чтобы полюбоваться каким-то вьющимся растением. – Через три недели зацветет глициния. Лучший запах на свете. Наверно, на небесах пахнет глицинией. БР надумал поработать с голливудскими продюсерами, чтобы те заставили актеров курить. Мысль интересная. Примерно через год мы столкнемся с полным запретом рекламы. Он считает, что таким манером мы сможем этот запрет обойти. Глядишь, еще и деньги сэкономим. Пока мы тратим на печатную рекламу почти миллиард в год. А ты что об этом думаешь?

– Интересная мысль, – кипя от злости, сказал Ник.

– Да, мне она очень нравится. БР человек умный.

– О да. И лояльный.

– Рад это слышать. Ты ведь знаешь, он начинал с торговых автоматов. Самая рискованная часть нашего бизнеса. Нам сейчас необходим человек вроде БР. Он хорошо обходится с японцами. Жестко. В ближайшие годы Дальний Восток начнет приобретать для нас все большее значение. Потому-то я и сделал ему предложение, которое ошарашило бы и Креза. Хотя в нынешней корпоративной Америке ошарашить кого бы то ни было трудновато. Как мне не хотелось отпускать старину Джи-Джи! Но что было делать – он получил в наследство эту недвижимость в Тарпон-спрингс[23 - Тарпон-спрингс – городок на побережье Флориды.]. Полагаю, скоро и меня отправят в стойло. С другой стороны, – Капитан фыркнул, – человек, владеющий двадцатью восемью процентами акций, имеет приятную возможность самостоятельно выбирать время своей отставки. И все же я не молодею. Временами я ощущаю себя как *Tirannosaurus rex*, ковыляющий по болотам на шаг впереди ледников. Ты знаешь, – скептически ухмыльнувшись, спросил он, – что ученые утверждают теперь, будто динозавры вымерли из-за газов в желудке?

– Нет, – сказал Ник.

– Говорят, будто они пукали, пукали и все это собиралось в атмосфере и в конце концов создало парниковый эффект, от которого начал таять ледяной покров. – Капитан покачал головой. – И как они это узнали?

– Где данные?

– Вот именно. Вот именно! Помнишь, что сказал Финистер?

– «Проснитесь, ребята, нынче Великая пятница, так не хлебнуть ли нам пивка?»

– Не тот Финистер. Ромул К. Финистер, президент. Уж его-то ты помнить должен! Он сказал: «Факел передается новому поколению». Это он о моем поколении говорил. А теперь пришло время передать факел вашему. Ты как, Ник, готов принять факел?

– Факел?

– Будет нелегко. Нас окружает враждебный мир. Я оглядываюсь по сторонам и вижу только вспышки выстрелов. Больше того, я вижу их в той стороне, где стоят лагерем наши друзья. Пару дней назад я вызвал к себе Джордана. Старая шлюха, за долгие годы мы вбабахали столько денег в его избирательные кампании, что на одни только проценты все его дети получили университетское образование. А во время последней я, черт побери, не мог даже пользоваться собственным самолетом, потому что Джордан просто-напросто не вылезал из него. И что, по-твоему, он имел наглость заявить мне в моем собственном кабинете? Что ему придется поддержать повышение акцизных сборов, иначе Белый дом прикроет базу BBC в Лагроуне.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джесси Джексон (р. 1941) – политический деятель, один из лидеров движения американских негров за равные гражданские права. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Сирубати – гора на японском острове Иводзима, при взятии которого войсками США весной 1945 г. погибло более 5 тысяч морских пехотинцев.

3

ГВ – главный врач государственной службы здравоохранения. Именно его предупреждение о вреде курения печатается на каждой упаковке табачных изделий.

4

«Джей-Си Пенни» – компания, владеющая сетью универсальных магазинов.

5

Официальный праздничный день – третий понедельник февраля.

6

АООС – Агентство по охране окружающей среды.

7

НИЗ – Национальный институт здравоохранения США.

8

До свидания (нем.).

9

Холланд – первый в мире автомобильный туннель, проложенный под рекой Гудзон. Состоит из двух стволов диаметром девять метров каждый.

10

Си-СПЭН – некоммерческая кабельная телесеть.

11

Эспланада – часть парка в Вашингтоне, расположенная между Капитолием и Мемориалом Линкольна.

12

Я обвиняю (фр.).

13

Один из двух аэропортов Вашингтона.

14

«Круглоголовые» – прозвище возглавляемых Кромвелем пуритан во время гражданской войны в Англии (XVII в.).

15

СУОТ – специальное полицейское подразделение для борьбы с террористами, освобождения заложников и т. п.

16

Вечерняя информационная программа телекомпании Эй-би-си. Выходит в прямой эфир с 1980 г. в 23.00, пять дней в неделю.

17

Крупнейшая в США сеть видеосалонов.

18

Уинстон-Сейлем – город в Северной Каролине, центр табачной промышленности и торговли.

19

Методика физической и психологической подготовки будущих матерей к родам без обезболивания.

20

«Роща богемы» – место летнего отдыха членов Клуба богемы, объединяющего людей, интересующихся изобразительным искусством, музыкой и театром.

21

Роберт Эдвард Ли (1807–1870) – генерал, во время Гражданской войны командовавший войсками южан.

22

Хорас Грили (1811–1872) – журналист и политический деятель, основатель и главный редактор нью-йоркской газеты «Трибюн».

23

Тарпон-спрингс – городок на побережье Флориды.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bakli_kristofer/zdes-kuryat

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)